

ПОЭТИЧЕСКАЯ
РОССИЯ

НИГЕР

Отсканировано
в декабре 2013 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бærзæфцæг»
(«Крестовый перевал»).

Скангонд æрцыд
2013 азы декабры
сæрмагондæй паблик «Бærзæфцæг»-ы
чиныгдонæн.

<http://vk.com/barzafcag>

ПОЭТИЧЕСКАЯ
РОССИЯ

НИГЕР

Думы Осетии

Стихи и поэмы

Перевод с осетинского

МОСКВА «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» 1981

С(Кав)2
Н60

Составитель А. Кодзати
Гравюра А. И. Ременника
Оформление Ю. И. Батова

Нигер (Джанаев И. В.)

Н60 Думы Осетии: Стихи и поэмы. Пер. с осет./Сост.
А. Кодзати.— М.: Сов. Россия, 1981.— 192 с., ил.,
1 л. портр.

Книга избранных произведений классика осетинской литературы. В нее входят лучшие стихи и поэмы автора.

Тяжелое прошлое горских народов, их борьба против угнетателей, за свободу и независимость, строительство новой жизни в горах — главные темы произведений Нигера.

Н 70403—195
М-105(03)81 153—81 4702040000

С(Кав)2

ПОЭЗИЯ БОРЬБЫ И СВЕТА

Нигер (И. В. Джанаев, 1896—1947) относится к той когорте творцов осетинской национальной культуры, которую Ю. Либединский назвал «славной плеядой».

«Нужно беречь, ценить... писателей Осетии, живых свидетелей прошлого осетинской литературы, которые соединили это прошлое с современностью,— говорил А. А. Фадеев.— Они начали творить еще при старом строе и являются истинно народными писателями,— я имею в виду Арсена Коцоева, Нигера и других». Действительно, Нигер является живым воплощением прошлого и настоящего духовной жизни своего народа.

Чтобы представить эту символическую связь времен, нужно пройти по одной из центральных улиц столицы Северной Осетии. Это улица Джанаева. Здесь жил поэт. Здесь в научно-исследовательском институте работал учений. Здесь выступал он на собраниях Союза писателей республики. Идешь по этой оживленной улице современного города, видишь памятные места, связанные с именем поэта, и мысленно переносишься в другую реальность.

Нарское ущелье. В самой глубине, на берегу бурного Лия-Дона, у подножия вершины Тепле, расположен аул Синдзисар. Здесь некогда кипела жизнь. О былом величии этого края напоминают только развалины гордых башен и домов-крепостей. Да на крутых склонах — тропинки, которые не зарастают травой. Да на откосах — грустные заброшенные нивы, где колосились рожь и ячмень. Теперь потомки горцев, высекавших из скал боевые башни, вспахавших

сюхой неприступные склоны гор, живут на равнине и в городах. Здесь прошли детские годы будущего поэта. Здесь услышал он впервые песни своего великого земляка Коста Хетагурова. Здесь летом в труде и незатейливых играх проводил свои каникулы семинарист Иван Джанаев. Здесь он слышал мудрые речи старцев, их сказания о нартах и навсегда проникся любовью к народному творчеству. Отсюда в бурном 1917 году отправился он в Саратов, чтобы получить высшее образование. Через год студент Джанаев уже не сможет вернуться в Саратовский университет, и с этого времени надолго его высшей школой станет сама жизнь.

Учителя Нарской школы Ивана Васильевича Джанаева призывают в белую армию, но он уходит к повстанцам и становится красным партизаном, секретарем ревкома Алагирского ущелья. Выполняет ответственные поручения, ведет большевистскую пропаганду. Затем — разруха, нэп, строительство новой жизни и культуры, учеба в институте и аспирантуре. Были поиски и заблуждения, муки и радости.

Нигер как творческая личность формировался в сложных исторических и социально-бытовых условиях. Переход от горской жизни с ее поэтической простотой и безмятежным однообразием к городской действительности XX века, участие в бурных событиях времени ломали и перестраивали психологию горца. В нем удивительным образом сочетались детская наивность и критический ум умудренного опытом человека, жизнерадостные пылкого юноши и задумчивость усталого философа.

Писать Нигер начал в Ардонской духовной семинарии в предреволюционные годы. Здесь с единомышленниками издавал на родном языке рукописный журнал «Глашатай». Писал лирические стихи, сочинял острые эпиграммы и сатирические песенки о нравах проповедников евангельских заповедей. Выступал с требованиями включения в программу семинарии преподавания родного языка и литературы.

У Нигера всегда были ученики и последователи, в их числе гордость осетинской литературы Хаэби Калоев и Мухарбек Кочисов,

отдавшие жизнь за Родину. «Как дела у Нигера? Я случайно читал его новую статью о Коста. Хорошая статья...» — пишет Х. Калоев в письме перед своей героической смертью.

М. Коцисов свой единственный сборник посвящает Нигеру. Как исповедь звучат его признания в письме к «дорогому Ивану Васильевичу»: «Я всегда чувствовал Ваше чуткое и искреннее ко мне отношение.. За это время не написал ни одного стихотворения.. Однако, если в литературе мне не удалось сделать что-нибудь достойного, хотя у меня были большие надежды, то здесь мои командиры меня считают хорошим воином. Недавно меня наградили медалью «За отвагу» и представили ко второй правительской награде. Одним словом, если я погибну, то со славой, не опозорю гордое имя сына осетинского народа».

Разнообразны литературные и научные интересы Нигера. Его исследования «Поэтика Коста Хетагурова», «Язык драм Е. Бритаева», «Нартские сказания», «Осетинская поэзия в годы войны» и другие занимают достойное место в истории осетинской филологии, они отличаются глубиной анализа, широтой научных обобщений. Он разрабатывал проблемы мастерства и принципов художественного перевода, проблемы поэтики эпоса и современной осетинской литературы, с глубоким проникновением писал о русских революционных демократах и о классиках грузинской литературы. Он писал о специфике народных танцев и музыки — и во всем проявлял широкую эрудицию и аналитический ум.

Нигер переводил персидских поэтов, Гете и Пушкина, Шевченко и Тургенева, Тютчева и А. Церетели, Горького и Лу Синя. В соавторстве с Татари Елхиевым написал драму о великом Коста и драматическую сказку для детей «Бедняк и сыновья алдара». Он составлял программы и хрестоматии по родной литературе...

Таков Нигер — поэт и учёный, переводчик и теоретик литературы, педагог и общественный деятель.

* * *

Нигер прошел сложный путь идеино-художественных исканий.

Еще в 1916 году он попытался определить свою идеиную позицию и эстетические принципы: поэт призван в жизнь «не для приятных песен» и звонкой славы. Сам Нигер в страну рабства и нищеты явился как поэт угнетенных, как вестник солнца и света. Нигер подчеркивает свою кровную связь с народом: «Бедный трудовой народ — моя мать, мой отец... Их думы, горе и страдания — мои песни».

От бытописания, от детализации горского быта поэт постепенно переходит к выражению жизни души, к обобщениям человеческих страданий,— и в этом он достигает вершин поэтического искусства. Так, в раннем стихотворении «Не бойся, ледник голубой» поэт добивается художественного обобщения философских раздумий о трагизме жизни, о ее смысле и назначении. Трехкратное обращение к «умирающему» леднику выявляет отчаяние перед смертью и в то же время выражает веру в бессмертие—лед, сохранив свои свойства, продолжает жить в иных формах бытия. Здесь — строгий отбор и лексики, и художественно-изобразительных средств, поэтому в стихотворении есть и соразмерность, и гармония.

Пристальное внимание к народной жизни, к быту горца крестьянина, воплощение его революционной устремленности — вот характерные черты ранней лирики Нигера. Живописные картины народных бедствий и борьбы поэт сочетал с прямыми призывами к социальной мести. Так, в стихотворении «Вперед!» (1917) он писал:

Проснись же, о горец!
Сегодня народ
На суд беспощадный
Алара зовет.

(Перевод Э. Левонтина)

В годы гражданской войны в лирике Нигера часты мотивы тоски и отчаяния. Однако поэт не теряет веру в победу народа.

Своеобразным поэтическим манифестом осетинской советской поэзии стало стихотворение «Живи!» (1920). Это воплощение радости освобожденного народа, торжества свободы и разума. Впервые человек труда назван «солнцем», венцом всего мироздания.

Духом богочества пронизано творчество Нигера начала 20-х гг. Примечательно стихотворение «Солнце, солнце золотое» (1921). Лирический герой предает анафеме всех божеств — языческих и христианских. Это отречение от старого мира, клятва верности духу новой эры. Человек теперь обращается к земле, обращается к ней как повелитель, он жаждет «открыть ее сердце», проникнуть в недра земли, в тайны природы, испить из ее жизнетворных источников. Мыслитель и творец, он становится хозяином Вселенной, у него «и на Марсе есть голубые дворцы». Он весь в процессе сотворения нового мира, в предчувствии научных открытий века, он весь проникнут духом революционного жизнетворчества.

Нигер глубоко чувствовал движение и обновление жизни в борьбе противоборствующих сил природы и общества. Он философски осмыслияет явления жизни, происходящие в стране событий, коренные изменения в характере горца крестьянина, ломку его психологии, его духовную эволюцию. Поэтому его стихи 20-х годов — это яркие картины острой драматической борьбы света и тьмы, ветра и туч, добра и зла... Эта борьба достигает высокого напряжения, в ней всегда побеждает солнечное начало, выявляется жизненность нового, возникающего, и этим выражается торжество идей революции.

В стихотворении «Не смежает сон мне очи» лирический герой полон тревожных чувств и мыслей, ареной борьбы мрака и света становится его душа. Поэт создает потрясающие картины движения ветра и мрака, их действия на чувства человека. Динамизм действия принимает трагическое звучание, но в момент наивысшего напряжения наступает внезапная развязка: во мраке блеснула утренняя звезда Бонварон — предвестник рассвета и солнечного дня.

Иное психологическое состояние человека отражено в стихотворении «На утесе». В природе наступает какое-то умиротворение. Чуткое сердце поэта ловит голоса мира в зоне солнечных лучей, в бурной жизни природы он видит красоту и разумное начало. Человека еще не оставили боль и тревоги, но ему открываются просторы земли и чистого неба, он предвкушает радость пути к полнокровной и свободной жизни.

Нигеру-лирику были чужды описательность и поверхностное изображение жизни советского народа, он отражал духовную жизнь нового человека, мир его нравственных переживаний и идеальных устремлений. В этом отношении наиболее характерным является стихотворение «На мосту» (1930). Оно пронизано пафосом революции, духом созидания и творческих исканий творцов новой жизни. В нем нет патетики голого оптимизма, оно передает сущность явления, отображает его внутренние противоречия и движущие силы.

Мост — это символический образ, это путь испытания достоинства человека, тяжкий путь познания, путь к великой и благородной цели. Человек преодолевает все трудности, сомнения, побеждает страх перед неизведанным. Из горнила испытаний и труда, из огня борьбы с миром и самим собой он выходит победителем, как нарт-богоборец, предстает перед нами борец и мыслитель во всем величии нравственных и физических сил. Поэт раскрывает такие грани человеческой души, создает такое сложное психологическое состояние, что они потрясают своей глубиной и зоримой реальностью.

Поэт остро, а подчас и болезненно реагировал на проявления пережитков прошлого, которые приходилось преодолевать на пути к новой жизни. Поэтому изображение поэтом нравственных переживаний достигает высокого драматизма, выявляя и падение, и возрождение человеческого духа. В этом отношении наиболее характерен верлибр «Душа моя мрачна».

Постижение смысла жизни, преодоление трудностей на пути к человеческим идеалам, оптимизм и целеустремленность строителя новой жизни, радость творческого горения и вечность добрых дея-

ний во имя людей — вот содержание лучших стихотворений Нигера («Я не боюсь», «Условия — залог всего»).

Поэту никогда не изменяло чувство историзма, он не отрывался от почвы народной жизни. Его лирика («Ложе Прометея», «И залывался песней соловей») отражает торжество «чувства семьи единой» и возрождение народа и родины поэта в содружестве братских народов. Нигер живо откликнулся и на события в Испании балладой «Кончита Мало». В годы войны поэт создал цикл стихотворений, в котором отразил злодеяния оккупантов, воспел геройзм советских людей, великую любовь к нашей социалистической Родине.

Нигер успешно работал и в жанре поэмы. Романтическая поэма «Мулдар» — это апология борьбы за социальную справедливость, за свободу личности. Мулдар, оскорбленный приспешником алдара, полон решимости защитить свою честь, достоинство человека труда. Но ему помешал старший брат, который проповедует рабскую покорность перед сильным мира сего. И Мулдар восстает не только против насилия, но и против холопства и нравственного падения человека: он проливает кровь брата, становится абреком — мстителем, карающим социальное зло и насилие.

Социально-этические проблемы ставит поэт и в поэмах «Сын Уахатага удалой Гуйман» и «Пир у Баделят». В последней молодой дворовый Фацбай падает жертвой социального зла, бесчеловечных нравов феодального общества, где рушатся святые обычаи предков, разлагаются нравственные устои. Княжна Залихан доходит до крайней жестокости. Она любовно ласкает собаку и с презрением отвращается от человека труда. Злорадствуя, она наступает ногой на грудь убитого юноши, и ее примеру следует собака. Поэт в повествование включает притчу об олене и стае гончих. Благородный олень падает истерзанный. Этот образный параллелизм усиливает социальное и трагическое звучание поэмы.

В поэмах «Гыцци» и «У Терека» — контрасты прошлого и настоящего Осетии, разные судьбы отцов и детей. Нигер поэтизирует новую жизнь, радость свободного труда и созидания. В первой части поэмы «Гыцци» поэт с большим мастерством воспроизводит ха-

рактерные картины дореволюционного горского быта, но в целом обе поэмы схематичны, к тому же вторая не отличается стройностью композиционного построения.

* * *

Поэзия Нигера — сложное художественное явление.

В лучших образцах своей лирики Нигер достигает поэтического совершенства и гармонии. Его стихи отличаются глубиной мысли и психологизма, отмечены высоким искусством, живописны, полны огня и движения.

Ш. Джикаев

СТИХОТВОРЕНИЯ

УЗНИК

Ветер чуть слышным своим дуновеньем
Людям приносит тепло, благодать.
В мире под призрачным лунным свеченьем
Жизнь закипает опять и опять.
У человека рыдания в горле,
В темном углу на солому он лег.
Цепи холодные кожу натерли,
Жаром объят он, вконец изнемог.
«...Дни беспросветные в годы слагаю.
Гнилью от стен отсыревших несет.
Голову струям дождя подставляю.
Скоро ль конец мой бесславный придет?
Мать и отец, потеряли вы сына,
Детям-сироткам моим горевать,
Вдовья жене белокурой судьбина,
Песен не стану уж я распевать.
Волю мою — упорхнувшую птичку —
На заточение я променял.
Не на беду ль смастерил я отмычку,
К скважине каждой ее подгонял!..
Вот и расплата за все мои вины —
Не проживу я, как видно, и дня.
Сверстники-парни, друзья-осетины,
Вы не берите примера с меня...»

Дальше — бессвязное что-то... Уплыло
Вдруг напряжение мысли с лица.
Непрозвучавшее слово остыло
На неподвижных губах мертвеца.
Тяжкие двери темницы скрипели,
Сиплым был их по покойнику вой.
Будто от слез, потолки отсырели,
Плакали стены водой дождевой.

1913

ДЕНЬ ПЕРВОЙ ПАХОТЫ

Тебя, Уацйлла¹,
Молю об одном —
Пусть хлеб вырастает,
Мы хлебом живем.

Земля — камениста,
Зерно — шелуха,
Быки — однороги,
Дубина — соха.

Взгляни! — умоляем,
Всем сердцем любя.
Живем, Уацилла,
Мы верой в тебя.

Пусть благословенье
Приносят года,
Чтоб в жизни порядок
Был правым всегда.

¹ Уацйлла — покровитель грома (молнии) и урожая.

Все молимся
Ангелу мы своему:
Ведь он изгоняет
И мор, и чуму.

Его покровительства
Ждет целый край.
Мы ждем, что подарит
Он нам урожай.

К тебе устремляем
С надеждою взгляд.
Нам благословенье
Дороже наград.

Ты правой рукою
Бросай семена,
И хлебом тогда
Будет сакля полна.

Дай мяса и дров,
Чтоб очаг не погас,
Чтоб жареным пахло
В жилищах у нас.

Зерно для араки
Ты нам подари,
Мы будем молиться
Тебе до зари!

1914

МОЕ ИМЯ

Живет осетин —
Угнетенный, безродный,
В горном застенке,
Лишенный свободы.

Клеймо нищеты
У родимого края.
Достойна презрения
Участь такая.

Как грязные хлевы,
Все наши жилища,
И в хлевах — пещерах
Все та же грязища.

А наши порядки —
Чем дальше, тем хуже.
Похвального слова
Они не заслужат:

В работе бесславной
Живем мы на свете.
Печаль и усталость —
Родные нам дети.

Они получают
В наследство немало —
Их ждет разоренье
От снежных обвалов.

Коль хочешь узнать,
Кто стоит пред тобою,

Скажу о себе я,
Всю правду открою:

Мужик из Туáла¹,
Небритый, заросший,
Обутый в арчýта²,
С котомкою-ношней.

1914

ЛЮБЛЮ ОСЕТИЮ

Вам шлю я влюбленные взоры,
Осетия, край мой великий,
Мои бесконечные горы
И горцы, друзья-горемыки.

От вашей злосчастной юдоли
Я в сторону не убегаю...
Болезни и нищую долю
С тобой, мой народ, разделяю.

Уастырджи³, горным молельням
Пошли свое благословенье,
О солнце, теплом беспредельным
Грей черные эти каменья.

1915

¹ Туáл — название юго-западной части Осетии.

² А рчý (мн. число — арчита) — самодельная обувь из сырой кожи.

³ У астырджи — в осетинской мифологии покровитель мужчин и дорог.

* * *

«Уйду я,— себе говорю иногда,—
Сбегу от народного горя...»
Но щеки пылают мои от стыда:
«Молчи уж, себя не позоря!
Что жизнь одинокая значит твоя?
Весь край твой и люди в нем нищи.
Как жить нам, отчаянье сердца тая? —
Враг к горлу приставил ножище.
Туда меня, ноги, несите скорей,
Где недруг лютует открыто,
Где сетуют горы на участь людей,
Где носят не туфли — арчита.
На родину! Колья и камни — с собой!
Нам ненависть силы умножит.
Бросайтесь смелее, друзья мои, в бой.
Кто натиск наш выдергать сможет!..»
Нет всё это бредни! Какой я боец? —
Пустые мечтанья, не боле.
Уныло бреду, фантазер-удалец,
Побитый, истерзанный, с поля.
Беру, чтоб утешиться, лиру. На ней,
Смеяясь, забавляясь, играю.
Но чаще, забравшись на груду камней,
Над собственной долей рыдаю.
Терзаюсь тоской безысходности я
И мучаюсь жизнью постылой.
Увы, это все, что я мог бы, друзья.
Свершить для Осетии милой!..

1915

* * *

Если и силу и смелость имел бы,
Горцы, я близкую вашим сердцам
Песню неистовой скорби запел бы,
Праздник испортил бы нашим врагам.

1915

ДУМЫ ОСЕТИИ

Я слышу стон моей Осетии,
Я понимаю свой народ.
На долю горестную сетуя,
Освобождения он ждет.

Сироты наши не обласканы.
Где беднякам приют найти?
Не уладить их души сказками —
Невзгоды встали на пути...

Брат-осетин всегда с охотою
Трудился, но терпел нужду.
Он, как с сумой, ходил с заботою,
И враг вводил его в беду.

У стариков одно желание:
В раю свои продолжить дни,
И жалкое существование
Здесь, на земле, влачат они.

Все тверже, все тесней, все спаянней
В борьбу вступает молодежь,

И с каждым годом все отчаянней
Врагов и ненависть, и ложь.

Где ж ты, спасенье нашей родины?!

О мой народ, надейся, жди —
И, помня о дорогах пройденных,
Гляди на те, что впереди!

1916

СКАЗАЛ Я В СЕРДЦАХ...

— На пастбище стадо гони по дороге! —
Сказал я в сердцах, беспокоясь.
И, словно был поднят сейчас по тревоге,
Подол я заправил под пояс.

Взял сумку пастушью, набросил попону,
Взял посох, — работа такая...
Уастьорджи, будь же ко мне благосклонен,
В дорогу меня провожая.

•1916

ВЕСНА

В горах миновали морозы,
Метели давно отшумели,
И бродят по пастбищам козы,
И звонкие птицы запели.

Голодные все и босые
Под солнцем глядят веселее.

Есть груши у них земляные,
Глядишь, и баран пожирнеет.

Запела душа про свободу,
Ягненком она заплясала...
Одно утешенье народу —
Весна наконец-то настала.

1916

* * *

Черной скалой открывается склон,
Маленький домик к скале прислонен.
Тяжким пластом его снег придавил —
Крышу сломал и чердак обвалил.
Вот и живет в этом доме теперь
Хищник, рычащий над жертвою зверь.
Падают камни в тот дом со скалы,
Слезы из туч то печальны, то злы...
Выюги, обвалы — всё терпит он, дом.
Бывший хозяин-то помнит о нем?
Власти ничьей нет над домом давно,
Прав на него никому не дано.

1916

ЧИЖ

Серый чиж с бугра и ямы
Снова листья приволок,
Спорит с гибелью упрямо —
За листком несет листок.

Он трудиться любит очень.
Зря смеяться ты спешишь,—
В теплом гнездышке и ночью,
И в мороз не мерзнет чиж.

Молодежь, тебе желаю
Быть такой, как этот чиж.
Чью ты помошь ожидаешь?
Почему так крепко спишь?

1916

* * *

Как сложится жизнь у меня?
Где встречу я смерти коня?
У сердца лучей — не сочтешь,
Но разум итожит их все ж.
То в небо стремится оно,
Пред вечностью страха полно.
То хочет беспечно пожить:
Играть, веселиться, любить.

1916

* * *

Чьей лире суждено звенеть,
Тот сам прославлен, сам воспет.
Не радостные песни петь,
Увы, явился я на свет.

Скудна земля в горах родных,
Люд бедный — мне отец и мать.
О думах, о страданьях их
Я песни буду распевать.

Осетия, мой край родной!
Клянусь твою сединой:
Тебе всю душу отдаю,
Всю жизнь короткую мою.

1916

ЖЕЛАНИЕ

Полная в небе сияет луна,
Черную землю лучами дарит.
Речь говорящей природы нежна,
Хоть и невнятно она говорит.
Радостью жизни, свободной, хмельной,
Сердце под сводом небесным пою.
Что ни былинка, то смотрит княжной,
Гордой, свободной в привольном kraю.
А у людей? Как послушаешь — плач,
Стоны, рыдания рвут тишину.
Бедному путь преграждает богач,
Хочет вовлечь во вражду да войну...
Рабский ярем и калечит и гнет,
Зла, произвола повсюду следы.
Крови потоки теряет народ —
Столько ли в Тереке быстром воды!
Деспоты мира, по вашей вине
В темных ущельях, в холодных степях
Тонут страдальцы в кровавом вине.

Души отважных у смерти в когтях.
Рад бы забыть я о рабской стране,
С ветром готов из нее убежать.
Стань, о луна, обиталищем мне —
Только б тиранов земных не видать!

1917

ВПЕРЕД!

Весеннего солнца
Все раньше восход,
Тяжелой неволе
Конец настает.
Смелее, товарищ!
К алдару¹ во двор!
Короткий с алдаром
Теперь разговор!
Он сыт нашей кровью
И нашим трудом,
Вперед же! С алдаром
Мы счеты сведем —
За то, что хирели
От стужи и тьмы,
За то, что старели
С младенчества мы.
Проснись же, о горец!
Сегодня народ
На суд беспощадный
Алдара зовет.
Ты слышишь набата
Призывного гуд?

¹ А л д а р — князь, помещик.

Того, кто не с нами,
Проклятия ждут!
Из тьмы подземелий
Зовут нас борцы,
Из мрачной могилы
Взывают отцы.
Их скрежет и вопли
Уж слышит алдар,
Трепещет и плачет,
Не дышит алдар.
Смелей же, товарищ!
Все вместе — вперед!
К алдару! Теперь он
От нас не уйдет!

1917

К ДАДА

Чем, дада¹, ты озабочен,
Что глядишь с тоской?
Про меня совсем не помнишь?
Дремлешь день-деньской?

Расскажи мне, как туалец²
В рваных чувяках
По Касарскому ущелью
Едет на быках.

¹ Д а д а — дед, отец.

² Т у а л е ц — житель Туальского ущелья в Северной Осетии.

Расскажи, как алагирец¹
На осле худом
По единственной тропинке
Возит хворост в дом.

Расскажи, как житель Дзау²,
Не жалея сил,
Топором в лощине черной
Дерево рубил.

Как пастух, к реке спустившись,
Отдыха искал,
В ледяной воде рубаху
Долго полоскал.

Как он вечером и утром,
Под горой, внизу
Всё доил свою без рожку —
Серую козу.

Как он на краю обрыва,
Если скот прилег,
Для ножа или для сумки
Плел цветной шнурок.

Расскажи мне, как сиротка,
Что вконец продрог,
По весне на грядке роет
Мерзлый корешок.

¹ А л а г и р е ц — житель Алагирского ущелья в Северной Осетии.

² Д з а у — ущелье в Южной Осетии.

Ну, дада, глаза протри-ка
Да рассказ начни.
Исцели правдивым словом,
Хвори прогони.

1917

СОН

Родимые горы я видел во сне:
Как будто аул наш и я, в стороне,
Без шапки... И сердце на части рвалось,
И мокро лицо мое было от слез.
Как будто смотрел я на северный склон,—
Как ночь непроглядная, черен был он.
Прилечь не манил зеленоющий луг,
Лишь серые камни лежали вокруг.
У рощи, над речкой, струившейся вниз,
Я видел: два белых козленка паслись.
Брусличные стебли жевали они
Так жадно, как будто уж многие дни
Травы не видали... Три мальчика там
За бабочкой синей гнались по камням.
Бежали они без штанов, босиком,
Подвязанные травяным пояском.
Изодраны были шубенки на них,
Потрескалась кожа на ножках худых.
Тех мальчиков свист и пронзительный крик
В ущелье глухом не смолкал ни на миг...
Вон узкой тропинкой, бегущей с холмов,
Плетется горянка с вязанкою дров.
Другая над речкою, так же бедна,
Шерсть мытую стелет... Не сохнет она...

Напротив — мужчины без шапок, толпой,
Лопатами роются в глине сырой,
И девушки в жаркой немой тишине
Той глины корзины несут на спине.
А дети все рыщут по скалам пустым:
Съедобные травы мерецатся им.
Кто жадно кусочек чурека жует,
Кто младшему в зубы морковку сует...
Хотел я к детишкам спуститься... но вдруг
Проснулся... Так тихо все было вокруг.
Лицо и подушка намокли от слез.
И сердце от горя на части рвалось.

1917

ПЛАЧУТ ГОРЫ

Плачут горы. Камни скачут
Яростно кругом.
По ущельям раздается
Эха дальний гром...

Камни скачут. Страшной смертью
Путнику грозят —
С высоты в затылок метят,
В голову разят.

Плачут горы... А в ущелье,
Буркою накрыт,
Весь в крови пастух убитый
На камнях лежит.

Как погиб он, злополучный,
Видел лишь закат...

Из-за пояса арчита
Рваные торчат.

Тут же рядом козья шапка,—
Не наденет вновь!
По виску из темной раны
Тихо льется кровь...

Выскочила из-за кручи
Смерть к нему сама.
И не мать глаза закрыла
Мертвому — сова.

Ветер буркою закутал,
Гладит волоса.
Из-за пояса арчита
Хочет скрасть лиса...

Плачут горы. Камни скачут
Яростно кругом.
Воет ветер над убитым
В скалах пастухом...

1918

СКАЭКА

Был в селенье Даредзванти
У колдуньи дом.
И никто ни разу в жизни
Не был в доме том.

Всех колдунья запугала.
Как ее терпеть?

И сelenье постепенно
Начало пустеть.

Люди горестно вздыхали,
Думая о ней:
«Хоть бы эта ведьма злая
Сдохла поскорей.

Хоть бы в камень превратилась
Навсегда она!»
Но была и смерть колдунье,
Видно, не страшна.

И колдунья продолжала
Днем телят гонять,
Кур ночами воровала.
Как ее поймать?!

Всех опутала колдунья
Хитростью своей,
И всегда она старалась
Обмануть людей.

Где появится колдунья,
Там беда тотчас,
И убить ее грозились
Люди много раз.

«Брось ты козни,— умоляли,—
И не делай зла».
На колени становились
Жители села.

Но ничто не помогало
От лихой беды.

Всюду люди находили
Колдовства следы.

Собрались сельчане вместе
И решили так:
«Пустим воду ледянью
Мы в ее очаг».

Но другие возразили:
«Сжечь ее пора,—
Пусть уносит прах колдунья
Ветер со двора».

Сговорились и за дело
Принялись тайком:
Подожгли ночной порою
Ненавистный дом.

Ярким пламенем мгновенно
Вспыхнул дом у ней,
И в золе остались только
Петли от дверей.

Наконец-то все селенье
Спасено от зла.
И теперь гостеприимны
Жители села.

А старуху проклинают
Люди до сих пор.
Все селенье торжествует,
В нем Добру — простор.

1918

* * *

Как быть и что делать — подайте совет.

Куда мне уйти от печали?

Так тяжко на свете. И сил уже нет.

Дни жизни моей отзвучали.

Всесильная смерть, поспеши, поспеши!

Теперь ты — одно утешенье.

Избавит земля от волнений души,

А червь исцелит от сомнений.

Но нет, не устроит могила меня —

Тесна для порывов сердечных.

И некому там подсадить на коня,

Подпеть моей песне беспечно.

Кто создал меня, будь же проклятым тот.

Его ненавижу отныне.

Он враг мой заклятый! Какой уже год

Во всех моих бедах повинен.

1918

НЕ БОЙСЯ, ЛЕДНИК ГОЛУБОЙ!..

О, не бойся, ледник голубой,

Ничего не случится с тобой!..

Солнце пусть припекает, оно

Не растопит тебя все равно.

Ты студеною силой велик.

Твой осколок — он тоже ледник.

О, не бойся, ледник голубой,
Коль растаешь немнога весной.

Будут люди к тебе приходить,
Чтобы жажду свою утолить.

О, не бойся, ледник голубой,
Ничего не случится с тобой!..

1918

ЛУЧ СОЛНЦА

Пробудился мир земной,
Сбросил клочья тьмы ночной.
Из кустов колючих ввысь
Пташки весело взвились.
Солнце, выплыв из-за гор.
На меня вперило взор
И в мою пещеру луч
Устремило с горных круч:
«Пробудись, взгляни-ка, друг.
Сколько ждет чудес вокруг,
Сколько радостей сейчас
Для твоих печальных глаз!
Каждый луч мой полон сил —
Жизнь от сна он пробудил,
Всех, кому я ласку шлю,
От скорбей и мук храню!..»
Из пещеры вышел я,—
Солнца яркая струя
Вмиг мой путь пересекла,
Говорить мне начала,

Чудом разгадав, о чём
С грустью думал я тайком:
«Помню твоего отца,
Не забыть его лица,
Будто утром золотым
Лишь вчера встречались с ним.
А сегодня посмотри:
Греет свет моей зари
Травку на могилке той,
Где зарыт родитель твой...
Так придет и твой черед,—
О несчастный, смерть не ждет,
Буду травку вешних дней
На могилке греть твоей.
Так и сыну твоему
Суждено уйти во тьму,—
Будь то ночью или днем,
Не забудет смерть о нем...
Мой же свет не потушить!
Я живу! Я буду жить!
Чем щедрей я свет дарю,
Тем сильней, светлей горю.
Почему ж ты, сын земной,
Не воскликнешь вслед за мной:
— Жизнь мою не потушить!
Я живу! Я буду жить!..»

1918

Я КЛЯНУСЬ

Клянусь я Осетией — краем суровым,
В горах ледниками и снежным их кровом;
Клянусь я земли моей всеми святыми,

Костьми моих предков, всегда дорогими,
Коста Хетагурова памятью тоже
И песней его, что для нас все дороже;
Клянусь и святыищем Хетаг, конечно,
Что с родиной милой пребуду я вечно,
Что бедный народ мой вовек не покину,
Что смерть за Осетию — честь осетину!
Все жилы мои еще с детства набрякли
Дымами кизячными, копотью сакли.
Мне любы морозные горные зимы,
И нищие горцы, что роком гонимы.
Укрой меня, боже, в могиле единой
По смерти с владельцами тощей скотины.

1918

* * *

Сердце, обманчиво ты и коварно.
Как же ты часто меня предаешь!
То улетишь за мечтой лучезарной,
То, как щенок, вслед за мной побредешь.

Как мне поладить с тобой — разумею,
Слушай же твердую волю мою:
Разум мой станет уздечкой твоей,
Прежней свободы тебе не даю.

Не одурачишь меня ты отныне,
Верх не возьмешь надо мною ты впредь.
Если же вслух назову твое имя,
Пламенем ярким должно ты гореть.

1918

ЗАВЕЩАНИЕ

Когда от сует я избавлюсь
И день мой последний померкнет,
Возьми мое тело с чужбины,
В родные свези его горы.
За черной скалою увидишь
Ты кладбище в горной теснине.
Там вырой могилу... Из Нара¹
Пускай она будет заметна.
Поминки справлять и не думай!
Тебя о другом попрошу я:
Ты мне опрокинь на могилу
Обломок от черного камня.
А перед моим изголовьем
Пусть листья распустит береза,
Пусть птицы гнездятся на ветках —
Услышу их Песнь о свободе.

1918

* * *

Испытанный посох мне дали,
Надел я арчи и бешмет.
Отправился в дальние дали,
Осенней страдою согрет.
В горсти моей — горсточка зерен,
А в горсточке — весь урожай.
Но, друг мой, с тобою поспорю —
Богатый я — не возражай!

¹ Нар — горное селение в Северной Осетии, где родился Нигер.

Фандыр¹ мой звучит все сильнее,
И людям он стал по душе.
Дорога все шире — по ней я
Шагаю смелее уже.
Я долг свой стараюсь исполнить.
Прислушайся, край мой родной:
Твоими страданьями полны
Все песни мои — до одной.

1919

* * *

Пусть я родные края оставил,
Но сердцем их не покинул в горе.
Нет, не подумай, что я лукавил,
Что бросил братьев в их тяжкой хвори.

Все их болезни и мне не внове,
Всех исцелить я мечтаю страстно!..
Что делать?.. В озере черной крови
Могу и сам пропасть ежечасно.

Терпенье! Может быть, в день грядущий
Не хрюп ворвется, а голос звонкий,
И ад кромешный, где тьма все гуще,
Пробьет луч солнца, прямой и тонкий.

1919

¹ Фандыр — лира.

СОЛОВЕЙ

Там, где, загадку весны понимая,
В нашем лесу напевал соловей,
Осень последние листья срывает,
Грустно среди оголенных ветвей.

В поисках новых рассветов весенних
Тот соловей улетел далеко.
Чувствует сердце: не будет спасенья,—
Скоро зима, а зимой нелегко...

Если бы птицею в небо нам взвиться,
Год бы пожить там, где синяя высь!..
Люди напрасно смеются над птицей:
Чья же завиднее все-таки жизнь?..

1919

ОБРАЩЕНИЕ К КОСТА¹

Вождь наш, восстань из могилы скорей!
Нужен ты — нет у нас сил.
Боль не утихла от смерти твоей —
Край наш огонь охватил.
Юноши наши унижены злом,
Гибнут в изгнанье они.
Встань — лихолетье к нам в горы пришло² —
Счастье былое верни.

¹ Имеется в виду Коста Хетагуров.

² В 1919 году Северную Осетию захватили войска ген. Деникина и бесчинствовали там.

Помнишь, от имени нашего в дрожь
Многих бросало подчас.
Гордостью славились — чести не трожь!
Знали на свете о нас,
Сердце сжимается — боль велика:
Горы немеют кругом.
Степи унылы, бесплодней песка...
Пусть же так будет с врагом.
Встань! Появись! Ты — надежда для нас.
Гибнем, наш друг, без тебя.
«Дети Осетии,— спой еще раз,—
Чтите друг друга, любя!»

1919

К ПОРТРЕТУ ШОПЕНГАУЭРА

Знаю,
Всех, кто встанет рядом,
Беспокоит этот взгляд.
От пронзительного взгляда
У людей глаза болят.

Окружающих он тоже
В дни былые избегал —
Словно камень,
Он, быть может,
Суть людей не понимал.

1919

В ГОРАХ

Стоны во тьме раздались...
Голос пронесся: «Явись!»
Ухо приставив к земле,
Крик я услышал во мгле:

«Встать помоги же мне!
Гибну! Горю я в огне!
Если меня не спасут,
Дети вас всех проклянут!»

Что же скажу я в ответ,
Если и силы-то нет.
Косят болезни народ,
Кто его в горе спасет?

Наши безмолвны уста,
Словно от крика устав.
Разве поможет нам тот,
Кто лишь на помощь зовет?!

Вот и стони, и рыдай,
Воплями боль усмиряй!

1919

ИРОНВАНДАГ¹

Голос «вай, дадай» вдали:
Вновь лишились мы земли.
Без кормильца снова мать,

¹ Иронвандаг — старинный обряд оплакивания умершего.

Как ей жить, о чём мечтать?
Бей себя, царапай, бей¹:
Света нет в судьбе твоей.

Бей колени день-деньской:
Умер твой сынок родной.
Вай, дадай, который год
Голод косит всех сирот!..

1919

НОЧЬ

Небо и тучи,
Горные кручи,
Снежная мгла...
Здесь на просторе
Тучи, что море,—
Нет им числа.
Здесь на природе
О непогоде
Шел разговор.
Стань да послушай
Голос пастущий,
Напевы гор!

Но не до песен.
Здесь в поднебесье

¹ При оплакивании умершего близкие родственники (женщины) в отчаянии царапали себе щеки, рвали на себе волосы, били колени с криком «дадай».

Спал он, чабан.
Вдруг — как проснется:
Дождь это льется?
Вьется туман?
Куда тут деться?
Где обогреться?
Видит козла.
Залез под брюхо,
Под брюхом сухо
И шерсть тепла.
Ожил детина:
Шерстью козлиной
Крепко согрет.
Месяц — явился,
В луже умылся,
Скрылся и — нет...

1919

ГОРЕ

Горе вам, мрачно поникшие горы.
Лучше бы вы превратились в золу!
Недруги вас за столами позорят,
Заупокойную мямят хулу.
Гибнем мы всюду и сохнем в печали.
Наших детей проливается кровь.
Где-то народы свободными стали.
Черное рабство сковало нас вновь.
Мы разбрелись и покинули горы.
Нас разогнали, как стадо овец.
Элобных мерзавцев коварная свора

Шарит по саклям, задув каганец,
Женщин насилиют, бьет каблуками
И оскверняет святыни в ночи.
Кто протестует, тех злобными псами
Травят, до смерти секут палачи.
Гордые смяты. Не вынут кинжала.
Ядами души их змий отравил.
Травят сердца вожаков эти жала —
Сделать хоть что-нибудь нет у них сил.
Проклята будь, молодежь Иристона,
Если ты стерпишь кровавый позор!
Встань на борьбу без опаски и стона,
Выкрикнув имя властителя гор.
А вожаками джигитов возьмите —
Пусть уберется пришелец-наймит!
По-осетински и песни взметните.
Пусть уастырджи нас осенит!

1919

ПЛАЧ ПО УМЕРШЕМУ

Лед мосты свои в реку бросает,
И уходят в забвенье морозы.
Две вороны о чем-то рыдают,
С гор стекают их черные слезы.

Что заплакали сестры на склоне?
Разве горестей людям не хватит?
Кто там снова кормильца хоронит?
Кто земле дань тяжелую платит?

Нет сомненья — ворона гадала
Рано утром на собственной кости¹.
В саклю ветхую смерть постучалась,
К бедняку, видно, просится в гости.

1919

ГОРА ТЕПЛЕ

Горы — наша колыбель.

Ты снишься во сне, я влюблен наяву,
Возвышены разум и сердце тобой.
Осетии имя твое назову —
Пусть славит тебя вдохновенно любой!
Ты, Тепле, стройнее и выше всех гор.
Теплом нам в осеннюю стужу повей.
К тебе обращаю я преданный взор:
Не дай нас в обиду, своих сыновей.
Река белопенная Лия шумит —
Ты влагой ее напитала своей.
В жару она жажду мою утолит,
Тебе благодарен я, Тепле, и ей.
Край Хетага², облик твой так величав!
И Тепле, возвысившись в нем, хороша.
Твою красоту до конца не познав,
«Раскрой свою тайну!» — взвывает душа.
Пусть жаркая кровь в твоих недрах бурлит,

¹ Существует поверье: ворона, гадая на собственной лопаточной кости, может предсказать беду.

² Хетаг — имя далекого предка Коста Хетагурова.

В защиту народа всю силу направь,
Пусть сокол, твой сын, над страною парит,
Врагов пред собой на колени поставь!

1919

* * *

Что молвить? Как молвить? Внезапно немею,
Язык мой не в силах сказать ничего...
Да что там! Витийствовать я не умею,
Шторм в сердце, а слово, как камень, мертвое.

Послушаешь — так уж вы велеречивы,
Так высокопарность мила вам, увы.
Зачем же в погоне за фразой красивой
О сути вещей забываете вы?

Про «участь народа» шумят краснобаи,
И ложь эта горным вершинам слышна.
Да дороги ль вам, суесловным,— не знаю —
Народ наш и древняя наша страна!

Кто уши имеет, тот разве не слышал,
Что светоч Коста до меня говорил?
Пред миром он с нашими думами вышел,
Он песнями травы на склонах растил!

Днесь отзвуки песен его не иссякли —
В ущельях гудят причитанья-слова.
От них содрогаются горы!.. Их в сакле
Поет у огня горемыка-вдова.

Что слышу я? — Длинную оду пустую,
Бесстрастно пропетую жалким шутом.
За что же поэтом его именуют?..
Нет, мы свою миссию видим не в том.

Огонь наших душ — для народа пылает,
И чужды досужие вымыслы нам.
Поем мы, не в праздники слух услаждая,
Но песнь обращая скорбящим сердцам.

Высок идеал наш — служенье народу.
Тому, кто от хворей ослаб и невзгод,
В ладонях несем родниковую воду,
И тот, благодарный, с надеждой встает.

Мы слезы осушим тому, кто обижен,
И ношу возьмем у того, кто устал.
Мы с теми, кто голоден, бос и унижен.
Служить обездоленным — наш идеал.

1919

МОЕЙ МАТЕРИ

Смотрю на тебя, не скрывая волненья,
Смотрю, и грустя, и любя.
Завидую прошлому я поколенью,
Что так почитало тебя.

Когда ты всем людям светло улыбалась,
И осень казалась весной,
Тогда ты хозяйкою здесь называлась,
Тогда ты была «госпожой».

Теперь ты служанкой в углу приютилась,
Такая случилась беда:
Единственный сын,— лучше б сердце не было! —
Покинул тебя навсегда!

Он отдал кому-то ключи. И чужая
Здесь стала хозяйкой сейчас.
Она очень скоро добро промотает,
А после и землю продаст.

1919

ЛАСТОЧКА

Ласточка, с приветным щебетаньем
Залететь под кровлю поспеши!
Мир весенним оживлен дыханьем
И зовет тоску стряхнуть с души!

Только ты мелькнешь, свободно рея,
Встрепенется сердце у меня.
О, спустись, слети ко мне скорее,
Голоском серебряным звения!

Легче дышится в теснине горной,
Только я услышу твой привет;
Ты зовешь меня к борьбе упорной,
Ты приносишь нам надежды свет...

Так скорей, справляя новоселье,
Ты под кровлею захлопочи...
Освети печальное ущелье,
В это сердце зарони лучи!..

1920

УЩЕЛЬЕ ЗРУГ

Теснина, мрачный уголок —
Его бы адом я нарек.
Край горемык полуживых,
Он словно не убог для них:
Дождь — масло, ветер — их фандыр,
Снег — платье, камни — дом и мир...
Забыты солнцем и луной,
Травой питаются одной.
Кизяк — дрова, мечта — трава...
Вот жизнь в ущелье какова!

1920

МОЙ ФАНДЫР

Прозвени, фандыр, струнами
И утешь меня.
Что, дружище, будет с нами
На закате дня?
Спой, сыграй мне напоследок,
Дай послаше звук —
День в житье моем так редок
Без душевных мук!
Солнце мне не улыбалось
Даже по весне.
Людям счастье попадалось,
Беды — шли ко мне.
Я тянул из сердца жилы
Для певучих струн,
Кровью жаркой закалил их —
Будь правдив, певун!

Может, светлым водопадом
Станет жизнь потом,
Молодежь тебя помянет
На пиру своем.
Нежно пыльных струн коснется
Юный кто-нибудь,
Их создатель не проснется —
Черви точат грудь.
Услаждать бы этим струнам
Осетинских дев...
Обо мне расскажет юным
Скорбный твой напев.
Передай, мне в утешенье,
Наставление им:
«Не спешите к повзрослению,
Слава молодым!
Прав своих не отдавайте
В руки богачей,
Дух мятежный сохраняйте,
Это — свет очей.
Юность! Лучше нет удела,
Чем за волю — в бой!
Слава тем, кто бьется смело
С рабскою судьбой».
Бодрой песней, лира, брызни.
Людям мой завет:
Человек рожден для жизни,
Утверждайте свет!

1920

НАШИМ «ОПЕКУНАМ»

Где ж вы, «добрые опекуны»,
Те, кто от бед защитить нас должны?!

Вы оскорбляете нас — бедняков,
Тут же поток утешительных слов.
Слов нам довольно! На дело пора!
Кнут господина — долой со двора.
С этим кнутом и беда к нам пришла,
Мы посинели, опухли тела.
Скудными стали родные поля,
От безысходности стонет земля.
Нам «знаменитости» не помогли,
В горе на помощь они не пришли.
Верность храня сильным мира сего,
Мы не добились, увы, ничего.
Волки они! Год за годом подряд
Шкуру сдирают с несчастных ягнят,
Но не напрасно в родимом краю
Кровь мы свою проливали в бою!
Знаем: в ярмо нет дороги назад!
Люди мы, люди, не стадо ягнят!..

1920

* * *

Каждый сразу же приступил
На заре к своему труду.
Только нас погрузил шайтан
В беспробудный, глубокий сон.

Пробудись-ка, брат, поднимись
Да вокруг себя погляди:

**Солнце, щедрое солнце встает —
Дарит новую жизнь земле.**

**Посмотри, твоя старая мать
На высокой, крутой горе
Все мечтает и счастья ждет,
Все вздыхает, словно в бреду.**

**Знай, ослепнет скоро она
От страдальческих, горьких слез
И лишится последних сил,
И возьмет ее вечный мрак.**

**От рассвета до темноты
Безысходный слышится стон:
Из груди ее он звучит —
Истощенной, больной груди.**

**Погляди на ее сыновей —
Стали слепы, стали слабы
И не в силах ни слова сказать
Даже тем, кто их люто бьет.**

**А супруг дорогой погиб,
И над мертвым телом его
Ликовал беспощадный враг,
Как ни разу не ликовал.**

**И рыдает в тумане бедняк,
Чья рубаха — воздух да свет,
И стенаёт под ливнем бедняк,
Чьи чувяки — холод да грязь¹.**

¹ Осетинская народная поговорка о бедном, нищем человеке.

А вдобавок ты грабишь его:
С бедняка в ущелье глухом
Ты последнюю шкуру дерешь,
Что давно от побоев черна.

Но опомнись, вздрогни, пойми
Всю людскую, горькую боль.
Постыдись, прекрати, перестань
Своего же брата терзать.

А иначе тебя навсегда
Проклянет наша старая мать.
Черным ядом станет в тебе
Доброта ее молока.

1920

ЖИВИ!..

Смолкло в теснинах — не слышно рыданий.
Голод не душит детей.
Смят бедняками убийца недавний —
К стенке поставлен злодей.
Кто-то бежал и в леса и в ущелья —
Взять не успели иных.
Рыщут в потемках, по-волчьи ощерясь —
Злость не погасла у них.
И на нихасах ребят соврашают,
Дурням колдуют в хлевах.
Вновь утвердить эти звери мечтают
Черное время в правах.
Белый полковник с волками другими
В темных теснинах снуют.

Жала в пещерах отточены ими —
 Там выставляют и тут.
В зарослях ночи, за камнем в овраге
 Бьют они гнезда свои.
Слышите, выродки! Кончите драки!
 Хватит купаться в крови!
Сбросьте погоны, сорвите награды,
 В поле идите к сохе.
Камни тащите! Ломайте преграды!
 Ройте с киркою в руке!..
Солнце-рабочий, не бойся проклятий!
 Ты был кормильцем-вождем.
Здравствуй назло янычарам и знати!
 Мы за тобою пойдем!

1920

* * *

На камне тихо я сидел
И в даль безбрежную глядел.

Шумело озеро в тот час,
Как будто в верности клянясь.

Я видел ясно, как вдали
Менялся лик родной земли.

Когда ж поднялся в горы я,
Горящей стала кровь моя.

И сердце вспыхнуло огнем,
И чей-то крик забился в нем:

«Оставь и жизнь, и веру сам,
Не заходи в священный храм.

Грудь окропи ты кровью змей
И словом жги сердца людей».

1920

* * *

Ангельскою заботой
Молодец в разуме, в силе —
Всем для весенней работы
Щедро его наделили.

Плуг, вороные две пары,
Бог урожая всесильный...
Выпадет, выпадет, парень,
Год плодородный, обильный.

Много картофеля в поле,
Колос налившийся, ломкий,
Кисточки крупной фасоли,
Красные перца котомки...

1920

* * *

Коль эти горючие слезы на тихом холме не остынут,
Их теплую влагу почувствуешь ты на груди непреклонной.
И если могильную землю пронзить может стон человека,

То сердце твое затрепещет сегодня от этого стона.
И, если захочешь, спроси у меня: «Кто ты? Что тебе
надо?»

Отвечу, рыдая над холмиком тихим, что люди забыли:
«Взываю к тебе, как земляк, но в ответ мне — молчанье.
Грызу, как чурек, я в отчаянье землю на этой могиле.
И, как молоко материнское, эта земля помогает,
В крови ощущаю какой-то неистовый гул с новой силой.
К безумству иль к лучшему это случилось, я, право,

не знаю,

Но в символ борьбы за свободу земля для меня
превратилась.

Молчишь ты, о горе, ни звука пока я в ответ не услышал.
И я понимаю, что тщетно стараюсь ответа добиться,—
Ведь стало золой твое сердце, и чуткое ухо оглохло,
Давно уже гнезда свои свили черви и змеи в глазницах.
Но если бы чудом каким-то воскреснуть ты мог

на мгновенье,

Увидеть, как солнцем весенним наш край озарился,
Как кровью своей захлебнулись у нас богачи-кровопийцы,
Наверно бы, видя все это, ты в юношу вновь
превратился!»

1920

Я ПЕТЬ НЕ УМЕЮ

Я петь не умею —
О чем разговор?
Душою робею
С младенческих пор.
Я плачу с рожденья,
Недоля — мой век.

От вашего пенья
Пускаюсь в побег.
Нет, с песней хмельною
Ступайте вы прочь.
Томим я тоскою,
В душе моей ночь.
У гроба кто сгорблен —
Сам тяжко больной,
И осень для скорбных
Не станет весной.

1921

* * *

Серебряный месяц на небе играет,
Кругом разбросал он из шелка луци.
В безмолвном блаженстве земля замирает...
Но мне от напастей — хоть криком кричи.
Я знаю, что в горном родимом ауле
Отец мой, уставший от тяжких работ,
Лежит на соломе и стонет, сутулый,
Забитый нуждою какой уже год.
Борясь с нищетою, натер он мозоли.
А мать моя жизнь проклинает свою.
Но чем ей помочь в этой тягостной доле?
Не лучше ль погибнуть в далеком краю?

1921

* * *

Солнце, солнце златое,
Очень скоро узнаешь,
Что теперь я артхурон¹
В честь тебя не готовлю.

Сафа², Сафа суровый,
Не ищи меня больше
Своим сумрачным взглядом
За старинным сарзэдом³.

Дал я твердую клятву:
Про тебя позабуду!
Снял и выкинул цепь я,
Что очаг мой венчала.

Хищник злой — Уацилла,
Скоро тоже увидишь:
Даже мысль я отбросил,
Чтоб тебе поклоняться.

Боги, ангелы, духи,
На меня посмотрите
Да прислушайтесь с неба
И услышьте мой голос:

Долго вас почитал я,
Но склоненным в молитве,

¹ Артхурон — покровитель домашнего очага, а также пирог, изготавляемый в его честь.

² Сафа — божество надочажной цепи.

³ Сарзэд — священный столб, поставленный в западном углу сакли и, по обычаю, украшенный рогами животных.

Так и знайте, отныне
Вам меня не увидеть.

Имена ваши славить
Мой язык не желает,
И ноги моей больше
В ваших храмах не будет.

Ты, земля, предо мною
Грудь открой поскорее:
В тайники твои должен
Я бесстрашно проникнуть,

Суть твою постигая,
Жажду знания должен
Утолить твоим белым
Молоком материнским!

А потом размахнусь я
Да швырну тебя в небо,
Чтобы шар твой громадный
О луну раздробился.

Подмести будет нечем
Груды пыли густые.
У меня ж и на Марсе
Есть дворцы голубые!

1921

ОН ЖИЛ ВЫСОКО

Он жил высоко, среди снежных вершин,
Они, как невесты, ему улыбались.
И звери рычали — он был не один,—
И щебеты птичий в лесу раздавались.
Пел высиям он — ветер ему подпевал,
Внимали тем песням и небо и тучи;
Ледник — тот, растроганный, слезы ронял,
Внезапно в родник превращаясь текучий.
Но вот изменил он высотам своим,
Стал петь на равнине открыто и страстно.
Но странно: никем он внизу не любим,
И слушали люди его безучастно.
Бежал он обратно, к родным ледникам,
Ласкающим душу и внемлющим пенью.
Равнин суeta забывается там,
Где властвует щедрого солнца свеченье.

1922

В МОЛЧАНЬЕ ГАСНЕТ ДЕНЬ...

В молчанье гаснет день. Уж солнышко скупее
С горы свои улыбки шлет.
И полная луна взойти спешит скорее,
Вселенную на пир зовет.
На землю ветерок слетает с горной кручи,
Стремится с песней на простор,
И камни, и кусты, и пропасти, и тучи
Слились в согласный, стройный хор.

Вон на горе джук-тур¹, совсем под облаками,
 Вдали, как каменный, стоит,
И самка по холмам огромными прыжками
 К нему чрез пропасти спешит.
В глухом лесу олень ждет страстного свиданья,
 Супруге шлет призыв любви,
И буйное кипит в ее крови желанье.
 О сердце юное, живи!
Приди и ты ко мне. Любовь во мне пылает,
 И рвется сердце из груди,
Кровь юная моя без цели иссякает,
 Я жду, любимая,— приди!
К груди стремится грудь в немом томленье ночи,
 И уст желанных ждут уста.
Явись ко мне!.. Но нет, без сна блуждают очи,
 И жизнь по-прежнему пуста!

1922

ЧЕРНАЯ МГЛА

Мглой придавленный, на камне
 Во дворе сижу.
Не видна своя рука мне,
 Сколько ни гляжу.
Ничего не рассмотрю я
 Рядом, на земле —
Вкуса жизни я не чую
 В этой плотной мгле.
Ночь хозяйкой полновластной
 По земле плывет.

¹ Д ж у к - т у р — горный козел.

Звери, птицы — все безгласны,
Словно камень тот.
Ночь, отринь свои покровы,
Прочь от нас спеши.
Тяжко... Разомкни оковы,
Душу не души.

1922

* * *

О жизнь, как ты сердце мое огорчила,
Окутала в непроницаемый мрак,
Мечты мои трепетных крыльев лишила,
И каждый из дней моих мглою набряк.
Узки мои тропы, как трещины в скалах,
Колючки на них, завыванье ветров!
Нечистая сила их заколдовала.
Да, путь мой нелегок, и жребий суров.
«Будь стойким!» — души моей голос тревожен.
Другой возглашает, безвестен, но тверд:
«Ты слабый гордец, ты жесток и ничтожен,
Подобных тебе жизнь кидает за борт».
Как быть мне — я, право, не знаю, не знаю.
Бросаться ль к спасительной смерти на грудь?
Все беды Осетии я призываю
За мною — в могилу... Очистится путь!

1922

* * *

Полно, хватит плакать —
Солнце не увиши!
Если слезы льешь ты,
Лиши душа мрачнеет.

Птицу, что продрогла
На ветру морозном,
Шалуну-мальчишке
Палкой сбить нетрудно.

Ветку, что засохла,
С инем не справясь,
Чуть весна, обломят
Да и бросят в мусор.

Так же перед злыми
Силами природы
Долго мы в бессилье
Головы склоняли.

Но над горным кряжем
Улыбнулось солнце,
И в красе извечной
Вся земля предстала:

Черный кряж светлеет,
Белый снег искрится,
Сышен зов кукушки,
Соловей ликует.

Молодежь стремится
К свету созиданья.

Песням ее звучным
Даже в небе тесно.

Хватит ныть и плакать,
Слезы прочь смахните,—
Время крепче взяться
За поводья жизни!

1922

ПАХАРЬ

Поешьте-ка, быки мои,
Сочней вам сена дам,
А из осоки жилистой
Сплету веревку вам.

Соху уже наладил я,
И с первым же лучом
На поле унавоженном
Мы пахоту начнем.

Рукой умелой, крепкою
В сырую землю я
Ударю ржавым лемехом,
Как остирем копья.

Когда же кончим пахоту,
У края борозды
Оставим лемех, блещущий
Лучистее звезды.

Тогда с задорной песенкой
С утра и до темна

**Бросать я стану пригоршни
Отборного зерна.**

**Настанут дни осенние,
Окончим жать ячмень,
И вот застолья шумного
Придет веселый день.**

**В мороз мякину сытную
Смогу быкам давать,
Тепло в хлеву бревенчатом
Им будет зимовать.**

**В дому всегда достаточно:
Лепешки, брага, квас...
Да, были б руки крепкими —
Всегда накормят нас!**

**Провозгласим же здравицу,
Вас от души хваля,
Кормильцы наши милые —
Быки, соха, земля...**

**Поешьте-ка, быки мои,
Сочней вам сена дам,
А чтоб вести вас по полю,
Сплету веревку вам.**

1922

БЕДЕН ТЫ, БЕДЕН!

Беден ты, беден! И все мы бедны.
Жизнь твоя — ад, и черны твои сны.

Ходите все вы в лохмотьях зимой.
Болен отец обездоленный твой.

Сын твой и дочь голодают давно,
Счастья бесславным узнатъ не дано.

Нет за душой у тебя ни гроша.
Как мотылек — чуть живая душа.

Если работаешь в поте лица,
Будут хвалить богачи без конца.

Если же вдруг попадешь ты в беду,
Знай, что на помощь тебе не придут.

Даже не вспомнят! Для них ты — осел,
Или червяк земляной, или вол.

Чрево они наполняют всегда
Кровью твоей и плодами труда.

Имя твое вдруг припомнится им:
Губы свои смажут маслом твоим...

Беден ты, беден! И все мы бедны.
Жизнь твоя — ад, и черны твои сны.

1922

СМЕРТЬ БЕДНЯКА

В стужу взяла ты скитальца безродного,
Муки навек исцеля...
Кладбище. Грудь распахнула холодную
Гостеприимно земля.
Жизнь только била беднягу да ранила,
В этом судьбы его суть...
Вечный бродяга, батрачил, чабанил он,
Спину не мог разогнуть.
Кто был всю жизнь сироту одевающим? —
Солнышко да облака.
Жил он, на пашне коня заменяющим,
В горном ущелье — быка.
В черный свой день на подстилку трухлявую
Рухнул и больше не встал.
Рот, что пузырился пеной кровавою,
«Мама!.. О мама!..» — шептал.
Голову жесткая чурка поколила,
Пес притулился у ног,
Мыши на лбу его скачки устроили,
Было лицо как желток.
Хворь... У кого бедняку-деревенщине
Чашку воды попросить?
Кончился... Вам, сердобольные женщины,
Есть по кому голосить.

1922

ЗИМА

Завалила нас снегами,
Заковала холодами —
Как в могиле мы.
Всё заносы да обвалы...
Нет, житья совсем не стало
От лихой зимы.
Мельницы сковала стужа,
Из-под снега дров к тому же
Не достать, хоть вой.
Меры ты, зима, не знаешь,
Крепко горцев допекаешь,
Солнце — узник твой.
Холод, голод шлешь нам сдуру.
Чтоб тебя — да в нашу шкуру!
Прочь отсюда, прочь...
Пусть вздохнут хотя бы дети,—
Вой терпеть и лютый ветер
Им уже невмочь.

1922

ЧТО ТЕБЕ-ТО!..

Ты не слышишь завыванья
Злобной выюги даже днем
И не знаешь: состраданья
В черством сердце нет твоем.

Ты не видишь: тропки нету —
Завалил ущелье снег.
Ты не видишь — что тебе-то!
Никакого дела нет.

Ты не видишь: кто-то тащит
В гору тяжкую арбу,
Спотыкается все чаще —
Обессилен. Пот на лбу.

Ты не видишь, как из рощи
Кто-то вынес связку дров,
Слабый, горбился под ношей
И упал без сил, без слов.

Вот бедняк накрыт обвалом,
И сквозь скорбь хвала ему:
Бедняка от мук избавил,
На покой унес — во тьму.

Ты не слышишь, как рыдает
Мать?

А пятеро детей
Хлеба просят: — Дай, родная! —
И ручонки тянут к ней.

Ты не видишь: что тебе-то!
Твой дворец просторен, чист,
Полон радости и света,
И твой путь — не каменист.

Есть дрова, любая пища —
Не нуждаешься ни в чем.
Танцы. Шутки. Птицы свищут.
И весна живит лучом.

Что тебе-то — людям даришь
Лишь улыбку без труда,
Но о палец не ударишь
Даже пальцем — никогда.

1922

* * *

Месяц всплыл на небосводе,
А земля — в ночной тиши.
Стужа бродит, губы сводит,
Не страша моей души.

Грудь мечты мне согревают,
В теле бодрость, рот — молчит;
Песня в сердце созревает,
Что так преданно стучит.

Песня, мне еще не ясно,
Как ты будешь сложена,
Но звучать ты станешь страстно,
Молний грозовых полна.

1922

ТЕМНАЯ НОЧЬ

Темно... Обращаются стены
Ко мне из глухой темноты:
«Мы — камни, мы вечно нетленны,
Не молимся небу, как ты;

В нас глина, не ведая смерти,
Не ведая боли, живет.
И не разрывается сердце
В осеннюю ночь от забот.

Не льем мы горячие слезы,
Мечтая о светлой судьбе,
Зимой не страшны нам морозы...
Не лучше ль стать камнем тебе?...»

1923

Н.

Пой, веселись и танцуй до рассвета,
Эвонко, красавица, пой.
Видишь, как солнце тебе улыбнулось,
Встав над весенней землей.

Не забывай, что холодное Завтра
Скоро заглянет в окно,
Не забывай, что к тебе на свиданье
Явится скоро оно.

И побледнеют румяные щеки —
Горе легко ль пережить!
Стужа — она и могучие камни
Вдребезги может разбить.

Взвалят на плечи тяжелую ношу
Танцы забудешь в мороз.
Черные сны по ночам будут сниться,
Голос охрипнет от слез.

Вместо гармоники — звуки рыданий,
Солнца не жди над землей...
Ну, а пока веселиться ты можешь,
Пой, мое солнышко, пой!..

1923

* * *

Что на нихасе¹ от старца вы слышали,
И про кого он рассказывал юношам?
Чьи раздаются заплачки надгробные?
Чьи это песни пастушки любимые?
Чьими стихами ребята заслушались?
Чьими взволнованы девушки думами?
Как? Иль Коста ты не знаешь Хетагова,
Буреподобного да искроглазого?
Ежели спросишь у ветра ты горного,
Ветер ответит, что нет ему равного.
В чаще цветочной росинкою утренней
Образ его отражается солнечный,
Грудь рассеки мне кинжалом отточенным —
В сердце Орфея найдешь осетинского.

1923

ПАСТУХ

Белые овцы,
Тихое стадо,
Вас приласкают
Горы прохладой.

Здесь, возле вас,
И арчата вашью я,
И ремешок для сумы
Заплету я.

¹ Нихас — место народных собраний.

Там, где в ложбинах
Пасутся отары,
Пусть повисит
Славный посох Фалвáры¹.

Пусть, когда солнце
В ущелье заглянет,
В пасти у Тýтыра²
Камень застрянет.

Вас накормили
Ущелий глубины.
Вечер мы встретим
У горной вершины.

Место ночлега
Мы выберем вместе,
Там чабаны
Будут петь свои песни.

Быть вам до осени
Здесь, на вершине,—
Сочные травы
В зеленой лощине.

Все, с чем приходится
Травам расстаться,
К нам будет новым
Добром прибавляться.

Время настанет
Прощаться с травою,

¹ Ф а л в á р — бог домашнего скота.

² Т ý т y r — бог волков.

Всех вас Кизляр
Ожидает зимою.

Белые овцы,
Тихое стадо,
Вас приласкают
Горы прохладой.

1924

КАМНИ

Пусть ветви цветут,
Веселится земля,
Пусть бабочка ревво
Летит на поля.

Вам сладко блаженство
Весенней игры,
Но игры, веселье,
Увы, до поры...

Владычеству солнца
Конец настает.
Зима на цветущую землю
Придет.

Где спрячешься, бабочка?
Дерево, плачь!
Всю землю вдруг стиснула
Стужа-палаch.

Но стойкие мы,—
Разве горную плоть

Жаре опалить
И зиме побороть?

Зимой
Не становимся мрачными, нет,
Весной
Сохраняем и форму, и цвет.

Не в силах ничто
Изменить нашу суть —
Чужое сознание
В нас не вдохнуть.

«Мы — камни!» —
На все неизменный ответ.—
«Вы в гневе? — До этого
Дела нам нет!..»

1924

РАССВЕТ

Кто-то ночь жует, наверно.
Погрузилось небо в сон.
Месяц кружится, как жернов,
Звездной пылью окружен.

И муку на небосклоне
Собирая на лету,
Хворостинкой звезды гонят
С небосклона темноту.

Ночь, как решето гнилое,
Прохудилась, расползлась...

Тьма не скроет дело злое —
Не отмоешь волчью пасть.

Скоро ждет расплата волка —
Он ведь кровь ягненка пьет!
Волку жить уже недолго —
Солнце медленно встает!

1927

НЕ СМЕЖАЕТ СОН МНЕ ОЧИ...

Не смежает сон мне очи.
Я в подушку погружаюсь,
К ней щекою прижимаюсь.
Нет, как серна по откосам,
Сон бежит и даже косо
На меня взглянуть не хочет.

Тьма глухая заполняет
Комнту мою. И чую,
Сердцем чую тьму ночную —
Давит голову мне камнем,
Шею змеем обвила мне,
Грудь и сердце раздирает.

Ветер мне в окно стучится.
То смеется, то нежданно,
Как косцы, что вышли рано
В поле — песню он затянет,
То, как пес, он лаять станет,
Рвется в дом, скулит и злится.

Рвется в дом, скулит и злится
Ветер. Он в союзе с тьмою.
Тьма его манит рукою.
Вот он здесь — я сердцем чую:
Думу черную, ночную
Надо мной кружит, грозится.

Сделали меня мишенью
Эта тьма и этот ветер.
Тьма когтями в сердце метит,
И вот-вот готова впиться.
Ветер воет и кружится.
Я лежу в оцепененье.

«У-у-у», — кружится ветер
И со свистом завывает,
В уши дует, напевает:
«Ветер в землю не хоронят.
Смерть вовек меня не тронет,
Вечно буду жить на свете.

Твой отец родился бедный —
Повивальной бабкой был я.
В детстве мячик с ним катил я.
А когда косил он сено,
С ним играл я неизменно —
Сено все сдувал бесследно.

Я гулял кладбищем ныне,
Где лежит отец твой... Что же,
И тебе, при жизни, тоже
Песню я пою живую.
Будет время — и спою я
Похоронную по сыне...»

«У-у-у. Ха-ха...» — несется
Стон из всех углов и крики,
Волчий вой и хохот дикий.
То девица ль, бес хохочет?..
А в груди моей в комочек
Сердце сжалось, еле бьется.

Тьма тихонько прошуршала
В сердце. Страхом грудь объята.
Голову в подушку спрятал.
Так и в небе ястреб: птицу
Заставляет он таиться
На гумне, за сеновалом.

Где мне спрятаться? Не знаю.
И подушка не спасала.
Тьма в груди моей плясала,
Ветер вокруг меня кружился.
Вдруг нежданно день явился,
Светлый день пришел, спасая.

Сыла крик мой, тьме навстречу
Солнце пламенем сверкнуло,
И в окошко заглянуло,
Расправляясь с темнотою...
Солнце, солнце золотое,
Не пускай на землю вечер!..

1927

К СОЛНЦУ

Ты скажи, скажи-ка мне,
Золотое солнышко:
Что с седьмого неба ты
К нам глядишь так радостно?

Что с такою щедростью
Ты лучами длинными —
Золотыми нитями
К дальним далям тянешься?

Черви и кузнечики,
И жуки, и бабочки —
Всё живым теплом твоим
Вдоволь наслаждается.

Почему же с древности
Матерью заботливой
Греешь и ласкаешь ты
Сироту и нищего?

Над морями всходишь ты,
Над горами катишься,
Все обходишь за день ты —
Степи и ущелия.

Так собака верная
Ходит ночью черною
Вокруг отары дремлющей —
От беды хранит ее!..

Нам отсюда кажешься
Ты домашним, маленьkim

Очагом, где рядышком
Кот, наевшись, греется.

Будто камень, под гору
Без конца катящийся,
Ни весной, ни осенью
Мхом не обрастаешь ты¹.

Как же, всемогущее,
Все равно снисходишь ты
К самому ничтожному,
На земле живущему?

Вечное, всесильное,
Как не возгордилось ты?
А ведь жизнь немедленно
Без тебя погибла бы.

На землян взглянуло бы:
Часто здесь случается,
Что пустоголовые
Ходят с носом задранным.

1927

¹ Осетинская народная пословица гласит: «Катящийся камень мхом не обрастает».

* * *

Многие, дабы угодить мне,
называют меня любимцем
народа.

Восславив меня в эти годы,
Друзья, вы совсем неправы.
Напрасно любимцем народа
Меня называете вы.

Я стал бы любимцем, однако
Недолго бы по сердцу был,
Когда б для всеобщего блага
Я жизни своей не щадил.

Мое почиталось бы слово,
Когда, предвкушав бои,
Все горести края родного
Взвалил бы на плечи свои;

Когда бы народные слезы,
Во мгле проклиная житье,
Камнями с громадного воза
Катились на сердце мое.

Шептала б у сирых кроваток
Слова мои мать по ночам,
Когда б ее плач виноватый
В груди моей эхом звучал;

Конечно, с надеждой во взоре
Она вспоминала б меня,
Когда б посетил ее в горе,
От тяжкой невзгоды храня.

Так зря ж меня славите гордо!
Друзья, вы совсем неправы!
Напрасно любимцем народа
Меня называете вы!

1927

ЛЮБЛЮ ВАС, ГОРЫ!

Ни днем, ни ночами,
В веселье, в печали
Вершин ваших милых
Забыть я не в силах.

Люблю я вас, горы, всегда!

Ущелья, утесы,
Вершины, откосы,
Стада с чабанами,
Рассвет над лугами
Забыть не смогу никогда!

То песня домчится
Крестьян с косовицы,
То ясными днями
Льды плачут ручьями.

Люблю я вас, горы, всегда!

В чувяках дырявых
Трудяг обнищалых,
Гул бурь с перевалов
Да грохот обвалов
Забыть не смогу никогда!

Весной из туманов
Порханье фазанов
Да пятна на пашнях
Сугробов вчерашних.
Люблю я вас, горы, всегда!

Край поля несжатый,
Лавиною смятый,
Костры в наших нищих
Пещерах-жилищах
Забыть не смогу никогда!

1927

КАРАДЗАУ МАМИОН¹

БАЛЛАДА

Отряд куртатинцев примчался...
(И царь, чтоб не выглядеть строгим,
Им выдал подарки сначала,
Потом и повесил он многих.)

Карадзау — главный в отряде,
С ним рядом — любимый сыночек.
Разбойники ждали в засаде,
И бой начался среди ночи.

Мечи, беспощадные стрелы
В бою настигали любого.
Цалыкская степь помрачнела
От трупов, от горя людского.

¹ Баллада написана по мотивам исторического сказания.

К Карадзау сын обратился:
«Скорее воды!.. Что со мною?..»
Отец молчаливо склонился
Над сыном, пронзенным стрелою.

Терзаемый болью сердечной
И мукою неодолимой,
Сказал он: «Избавлен навечно
От жажды ты, сын мой любимый!»

Ни слова в ответ не услышал,
И даже намека на слово.
Лежит его сын и не дышит,
Закрылись глаза у родного.

Тут сердце как будто потухло —
К ногам своим бурку он кинул,
На меч свой, как дерево, рухнул,
И мертвым упал возле сына.

1928

УДАРИЛ ГРОМ

Полог туч, косматый, черный,
Гасит свет, крадет лазурь.
Жаждет схватки непокорный,
Вольный ветер, вестник бурь.

Гром раскатисто грохочет,
Блещет молнии зигзаг,
И, подмоге рад, хохочет
Ветер, туч заклятый враг.

Он готовит дерзким кару.
Ждет их, трепетных, разгром:
Жгут небесные пожары,
Бьют губительным огнем.

Молний взлет и посвист бури,—
Бой кипит, смертельный бой.
На лету срывает шкуры
С туч воящих ветер злой.

Небо, яростный воитель,
Точит стрелы: «Мой черед!» —
И швыряет победитель
Клочья туч в пучину вод.

Солнца луч! Пусть над горою—
Он один в кромешной мгле,—
Завтра с утренней зарею
Он пройдет по всей земле.

Мчится вихрь по горным кручам
В небо гордым скакуном,
Горе тучам, черным тучам!
Дрогнул мир. Ударил гром.

1928

Я НЕ РАБ...

Я не раб, и рабом
Мне не быть никогда.
Лучше пусть моя кровь
Утечет, как вода.

Мать любила меня,
Беспокойства полна,
И над зыбкой моей
Пела песни она.

Вновь мне чудится: мать
Подошла в тишине
И губами слегка
Прикоснулась ко мне.

Эту песнь — этот плач —
Слышать мне тяжело.
Материнской слезой
Мне всю душу прожгло.

Эта песнь, этот плач
Отошедшего дня
Завещаньем звучат
До сих пор для меня:

«Помни, как я жила,
Как я пела, скорбя,—
Благодарный народ
Будет слушать тебя.

Твой отец был бедняк,
Тяжко было ему:
Ни коровы в хлеву,
Ни достатка в дому.

Все взывал он: ячмень!
Все мечтал он: ячмень!
Но кореня одни
Ели мы каждый день.

Знал он обувь одну —
Холодок земляной,
Знал рубашку одну —
Тяжкий солнечный зной.

Подрастай же, сынок,
Помни правду мою.
Может быть, за отца
Отомстишь ты в бою...»

Мать, с твоим молоком
Слезы впитывал я,
Эти слезы твои —
Непреклонность моя.

Материнский твой плач,
Словно клич боевой.
Сына ночью и днем
Он ведет за собой.

Знаю: гибель ему,
Нечестивцу тому,
Кто бы вздумал меня
Приспособить к ярму.

Я не раб, и рабом
Мне не быть никогда.
Лучше пусть моя кровь
Утечет, как вода.

1928

* * *

Я и сам боюсь, поймите,
Всех вас разочаровать.
Вот ведь,— скажете,— любитель
Вечно попусту болтать.

После гордых песен горных
Я не спорю с приговором.

Песня за столом обильным
Хороша была не раз.
Мы ж в заботах непосильных,
Кровь у нас течет из глаз.

И к тому же, с вами вместе
Мы в борьбе со старой песней..

Был всегда приятен людям
Голосистый соловей.
Мы же трясогузку любим!..
К нам весна приходит с ней!..

1928

* * *

Душа моя мрачна,
печален я...
В груди моей бушует пламя,
Упорно хочет вырваться наружу,—
Увы, нет выхода!..
В груди — огонь,

Стальные звуки в горле у меня,
А в голове... Что в голове кипит,
Уж лучше и не спрашивай об этом!
Ведь ничего нельзя исправить, нет,
Непоправимое совершилось злодеянье —
Какой-то бессердечный негодяй
Рукой Гефеста
Приковал меня
К утесам черным древнего Кавказа.
Оковы — на руках моих,
Оковы — на ногах,
Замок — на сердце,
А на запекшихся губах — печать...
Печален я,

душа моя скорбит...

Да разве мог себе представить Байрон,
Что плащ Гарольда
Прихотью судьбы
Заброшен будет в глушь Кавказа,
И что бедняк-чабан, томясь тоской,
Накинет этот плащ себе на плечи...
Душа моя черна...

Печален я...

Не верю больше ни во что.
Вы слышите? Да, ни во что не верю!
Вы говорите: бог.
Презранный старец он... Кому он нужен?
Вы говорите мне: любовь.
Пусть женская любовь —
Старинная служительница Вакха —
Одна, где хочет, бродит.
Когда мне вдруг ее захочется увидеть,
Сам к ней явлюсь я...
Друг?

Нет друга, нет!
Обман и лесть —
Вот полновластные владыки мира.
Когда тебя родной отец окликнет,
Тебе в подарок даст веревочку-скакалку,
Ты не бери — взгляни получше:
Ведь это же змея, глупец!
Когда родная мать тебе, еще младенцу,
Даст грудь, желая накормить,
Скорей извергни все, что проглотить успел:
Она не молоком — тебя отравой кормит!
И если подойдет сестра с улыбкой
И ласково погладит по плечу,
Скорее отвернись и прочь беги,—
Еще позавчера или вчера
Она вот так же нежно улыбалась,
С заклятым недругом твоим ласкаясь, да!
Вон кто-то на тебя взглянул
Приветливо и с уваженьем,
И братом ты назвать его уже готов,
Как будто вы пуд соли вместе съели...
Бедняга, как мне жаль тебя,
Поистине наивен ты!
Ведь тот, кого за брата принимаешь,
Сегодня утром нож точил о камень —
Тебя зарезать вечером решил.
Я вижу, как сыночка ты ласкаешь,
Его качаешь на коленях,
Ему кусок последний отдаешь...
Напрасный труд,—
Чуть возмужав, тебя предаст он вскоре,
Едва ты попадешь в беду.
Вчера сидел ты, нежно обнимая
Подругу молодую,—

Кровь кипела,
От страсти задыхаясь, всех на свете
Себя счастливее ты мнил, наверно,
И за нее был жизнь отдать готов.
Бедняга ты! —

Днем раньше в тот же час,
На том же самом месте
С другим сидела девушка твоя,
С другим вот так же страстно обнималась,
Шептала те же самые слова,
Что и тебе...

Да, да! Я знаю: жизнь — обман,
И ничего другого в ней не вижу.
Есть только два титана:
Время и Пространство.
Они реальны, вот о них мне и толкуй!
В Пространстве кружится Конорус
И, судя по всему, собой доволен.
Пусть так. И все же знаю:
Когда-нибудь его пожрет Пространство,—
В одно мгновенье сгинет он
В утробе ненасытного Пространства!
Но я —

Я содрогаюсь пред другим титаном,
Чье имя — Время.
У Кроноса ведь каменное сердце:
Лишь для того потомство он плодит,
Чтоб снова съесть его.
Да будь он проклят!
Я чувствую яснее с каждым днем:
Давно и на меня он точит зубы...
Душа моя мрачна...

Печален я...

Пускай живет, кто жить желает.

Мне ж все равно:
Я жив иль мертв.
И лишь одно скажу я напоследок:
Пока мой взор горит,
Пока в тисках холодных
Меня не сжала черная могила,
Я буду перед всем огромным миром
Открыто и бесстрашно
Одну лишь правду говорить,
И голову склонить не соглашусь
Ни перед кем на свете!
В зависимости быть ни от кого
Я не желаю —
Гнусно жизнь прожить
С опущенной покорно головою.
Уж лучше смерть! —
Вот завещание мое.
Не знаю, кто слова мои услышит,
Но ведь должны такие отыскаться,
Ведь я — не лжепророк,
Я — вестник!
Да, да, правдивый вестник
Эпохи будущей, что наступить должна!

1930

* * *

Оставь меня в грусти, в печали,
В душе моей песне не жить.
В пронзенное сердце едва ли
Возможно надежду вселить.

Пусть стихнет фандыра звучанье,
Пусть грудь он мне больше не рвет.
Пусть в сердце окрепнет рыданье
И вдребезги боль разобьет.

На лоб мне ладони ложатся,
Тепло в мою душу струя.
Ты рядом — теперь укрепятся
Надежды и воля моя.

1930

* * *

Птаха милая, куда
Устремляешь ты полет?
Есть ли детки у тебя?
Где гнездится весь твой род?
Расскажи, в каком краю
Родились отец и мать?
И кому тебя теперь
Приголубить, приласкать?
Ты не слушаешь меня,
Машешь крыльшками... Жаль!
Окунулась в синь небес,
Влюблена в полет и в даль.
Нет отчизны у тебя,
Ни друзей, ни близких нет.
Жизнь проводишь ты в пути,
Дом твой — вольный белый свет.
Нет ни скарба, ни богатств,
Ни забот — совсем, совсем.
Даже матери с отцом
Не обязана ничем.

Ты, свободная от бед,
От сует и от страстей,
Я завидую тебе,
Воле, радости твоей!

1930

ЛОЖЕ ПРОМЕТЕЯ

Мы — гор сыны! Разрушив стены,
Мы вышли из тюремной тьмы...
Стремленья наши неизменны —
Одной свободы ждали мы!

Мы уничтожили адаты —
Былых столетий тяжкий след.
Стань прахом, пеплом, мир проклятый,
Сгинь! Для тебя возврата нет!

Твои обломки подожгли мы,
Взвился пылающий костер...
Клянемся клятвой нерушимой
Беречь свободу с этих пор!

Но мир и труд святого права
Мы никому не отдадим.
Там, где сухие чахли травы,
Простор хлебов необозрим!

Там, где грузины, осетины
Шли насмерть за родной Кавказ,
Стада тучнеют по долинам
Везде, куда хватает глаз.

Кавказ! Твоих потоков воды
Летят, сверкая, с крутизны,
И все светила небосвода
Во льдах твоих отражены...

Кавказ! Земли великолепье
Ты видишь с высоты своей...
Ты сбросил прочь обрывки цепи,
Освобожденный Прометей!

1930

ПРОЩАНИЕ

Покорен могучему вашему зову,
Родной мой народ и аул среди гор,
Я жаждал вас видеть... Дорогой суровой
Пришел я... Как вы изменились с тех пор!

Как ты обветшала, покрытая сажей,
Знакомая сакля... Чернее очаг...
И цепь холодна, не согрета... и даже
Рассыпался сложенный башней кизяк.

Уже волокуши не видно на доме...
И где достопамятный хлев под тобой,
Где матерью был я рожден на соломе?
Ты помнишь, рассвет начинался скупой?

Ты помнишь ли — кошка, играя с котенком,
Спугнула бродившую в сакле овцу,
А мать испугалась тогда за ребенка,
Она к моему наклонилась лицу —

И войлоком руки мои согревала...
О войлок, ты знал, что такое почет!
Ведь мать даже шелком тебя называла!
Ты сына сберег ей... И сын бережет.

Сердечную память о войлоке... Войлок!
Ты с первого дня осетину знаком.
Я вырос. Покинул я саклю и стойло,
На гору поднялся и стал пастухом.

В движенье земля, жизнь меняется тоже.
Бродил я под небом по нашей стране,
Немало я видел, недаром я прожил,
Трудился, плясал, воевал на войне.

В движенье земля, жизнь меняется... Силы
Иссякли... И сморщившись, и полысев,
У хлева хотел я, как шест для могилы,
Косяк попросить... Это памятный хлев,

Видавший рожденье мое... Но в печали
Я понял, что время костяной рукой
Разрушило хлев,— его стены упали
И дышит он только могильной тоской.

Дом предков и я,— мы чужими глазами,
Сегодня сойдясь, друг на друга глядим.
Большая гора поднялась между нами.
Все чуждо мне стало под кровом моим.

Ты — с той стороны, моя старая сакля!
Обрушится треснувший твой потолок.
Шатается столб, утомленный и дряхлый,
Фундамент прогнил, и жилец занемог.

Спасти ли теперь одряхлевшему деду?
Ослаб он... И, полуживому грозя,
Заранее смерть торжествует победу.
Того, что разломано, склеить нельзя.

И, если последыши спросят, отвечу:
— Мой дед даже смерть повстречал со скотом.
Не вылечишься никогда отувечий,
Родимая сакля на склоне крутом.

Повитая дымом, покрытая сажей,
Прощай! Над тобой погребальная мгла.
Ты с мертвым, ты с прошлым — на месте, на страже,
Меня же волна далеко унесла.

Но должен еще возвратиться к тебе я.
По старому следу вернуться домой.
Когда будет нужен скелет для музея,
Скелет пригодится для этого твой.

Приду я к тебе посидеть у развалин.
С ослепшей совой потолкую не раз.
Осетии старой музей! Как печален
О прошлом жестокий и точный рассказ.

1932

Я НЕ БОЮСЬ

Знай, смерть, ты мне нисколько не страшна!
Пусть в мире множество недугов и болезней,
Но что с того?

Пусть краток жизни миг,

Но неразрывны связи поколений.
Хоть и царит в природе вечная борьба,
Я верю, непреклонно верю:
Как жизнь была, так будет жизни!
Конечно, на планете нашей
Недолог век живого существа
(Я это знаю как свои пять пальцев
И не боюсь во всеуслышанье сказать).
Но все же продолжаться будет жизнь —
Хоть здесь, хоть там, хоть где угодно!
Вот только жаль,
Что слишком много развелось пигмеев,
Да, страсть как много!
Ничтожны так они, что след оставить
На свежевыпавшем снегу и то не могут,—
Таких недаром время пожирает
С жестокостью холодной...

Ах, друзья,

Взгляните сами вы, как жалок он — пигмей!..
Нет, я не из таких!
Отчетливый, глубокий,
Мой след навек останется отныне
Здесь, на груди твоей, Осетия моя!
Уверен я в себе сегодня,
И в этом — моего бессмертия залог,
Во мне пылает кровь неугасимо.
И ей не суждено остынуть никогда.
В безбрежность тянутся артерии мои,
А сердце жаркое над миром распростерто.
Не оступлюсь ни разу я, шагая
В грядущее сквозь годы и века.
Не верю в смерть я!

Сколько бы меня
Вы неизбежностью кончины ни пугали,

Смерть предо мной бессильна.

Твердо знаю:

Не раз потомки вспомнят обо мне,
И я явлюсь на их призыв тревожный.
Явлюсь! Меня не смогут удержать
Ни мрак земли, ни тяжесть плит могильных,—
Мой гневный взор расплавит их!
Навеки с будущим останусь в дружбе я,
Но с прошлым — никогда!
О нет же, нет!
Я — песнь Осетии не прошлой, а грядущей,
Я даже и во сне ни разу вспять не полз,
А если слышится порой мой скорбный голос,
То неизвестна вам причина этой скорби,
И вам о ней не стану говорить...
Явитесь же на мой призыв — явитесь
Все те, чей взор в грядущее стремится!
А в том, что впереди я вас пойду,
Теперь уж нет сомненья никакого...
Приди же, новая Осетия моя!
Просторна грудь моя, в груди огромно сердце,
Приди — возьми его!
Приди — на части рассеки ёго,
Я распахнул объятья!

1934

УСЛОВИЯ — ЗАЛОГ ВСЕГО!..

Условия — залог всего!
Всего!..
Об этом я давно и точно знаю.
Да, да,

И, не спросивши никого,
Во всеуслышание это заявляю...
Во всеуслышание...
Так ли то, друзья?
Ведь сам себя обманываю я!
Во всеуслышание...
Видно, я в бреду.
Что мелет мой язык?
Кто голосу внимает?
Кто, кто?
В ком отзвук я найду?
Только в тебе,
Осетия родная...
О, провалиться бы сквозь эту землю мне:
Ведь каждый день
Ты слышишь утром ранним
Крик петуха
В рассветной тишине.
Ведь путник
Всю тебя пройдет и не устанет...
История,
О, я не забывал,
Как глотку мне заткнула ты когда-то!
Под тяжестью твоей
И сник я, и увял,
Держала ты меня всегда к земле прижатым!
Быть не могло иначе! —
Знаю я.
В груди бушует пламя, не стихая,
Мне не дает покоя кровь моя.
К чему-то бесконечно призывая.
Клокочет в жилах кровь все горячей,
И снова,
Обратив свой взор к природе,

Соткал я плащ
Из солнечных лучей
И с высоты зову людей к Свободе.
Но кто-то говорить мне не дает,
И разум,
А ведь он — всему основа,
Напрасно устремляется вперед.
Ты немо,
Снова немо, мое слово.
Родные земляки,
Из всех людей
До вас одних слова мои доходят.
История,
По прихоти твоей
Живет мой стих
Только в моем народе.
История,
Отвесь мне, наконец,
Пока в душе все силы не иссякли:
Кто твой создатель главный,
Кто творец?
Ведь человек творит тебя, не так ли?
Иного и не скажешь ты вовек.
Ведь не луна творит тебя, не звезды.
Да, человек,
И только человек
Историю безжалостную создал!
Иные поколения во мгле
Растаяли.
История осталась.
Чтоб враждовали люди на земле,
Она уже изрядно постаралась.
Повсюду произвол ее царит.
Чеченца, кабардинца и грузина —

Всех разделила, что ни говори.
Те — русские,
А эти — осетины...
История,
Старалась ты не раз
Стравить народы,
Сделать их врагами.
Ты и по мне, история, прошлась
Тяжелыми от грязи сапогами.
Дала мне «свой» язык,
И он живет,
И он за слабый голос мой в ответе.
Но есть всему на свете свой черед,
По счастью, все меняется на свете.
Среди высоких гор, среди долин
К нам колесо фортуны повернулось —
Законных прав добился осетин,
Ему сегодня счастье улыбнулось.
Как в новый светлый дом, открыта дверь
В грядущее,
И жизнь вокруг ликует...
Работает история теперь
И на мою Осетию родную.
Я верю в то,
Что ты, потомок мой,
Вслух скажешь всё —
Счастливый и веселый.
Я верю —
Прозвучит над всей землей
И ингуша,
И осетина голос.
Условия — залог всего!
Легко
Едва ли б вы причину отыскали

Того, что не разнесся далеко
Мой голос...
Обстоятельства мешали.
Я верю,
Что когда-нибудь у нас
Народ одноязычным всюду будет.
Ваш век — другой.
Другой уже сейчас.
А вместе с ним
Меняются и люди.
Не встречу с ними ясную зарю,
Но все равно
Я духом буду с ними.
Услышав все,
О чем я говорю,
Пускай они мое узнают имя.

1934

* * *

Перо стальное,
Знаю я, что потом
И кровью ты пропитано само —
Добыть руду —
Нелегкая работа
И для раба!..
Проклятое ярмо!..
В моей руке
Не раз уже отведал
Твой кончик заостренный
Кровь мою.
Не оставляй поверхностного следа,—

Исчезнуть не должны
В родном краю
Сталь,
Что с трудом добыта под землею,
И кровь,
Что раб когда-то проливал...
Увы, твой след
Извилист был порою —
Поводья жизни
Слабо я держал.
В несчастный день
В руках ты оказалось,
В несчастный день
Ты выпадешь из рук.
Ты с воронами подлыми сражалось,
Как гордый сокол,
Ты погибнешь, друг!
Отведать всласть
Тебе все не давали
Напиток красный
Из груди моей,
И каплю
Израсходуешь едва ли,
А там бушует
Океан страстей.

1934

* * *

День за днем уходит время,
Все короче жизни нить...
Так случается со всеми,
Только стоит ли грустить?

Погляди: в углу старуха —
Старый гриб, трухлявый пень...
Жизнь в глазах ее потухла,
Догорел для бедной день!

Но в кроватке возле бабки
Самый младший из семьи —
Сын твой к солнцу тянет лапки,
Силы пробуя свои.

Он игрой веселой занят,
Он обходится без слов...
То смеясь на ножки встанет,
То на землю слезть готов...

Крепнет жизни новой завязь,
Свет и радость дружат с ней.
Хоть берет старуху зависть,
Но иссох источник дней.

Видишь: дуб стоит столетний,
Ствол насквозь прогнил давно...
Старику, что полдень летний,
Что морозы — все одно.

Но по вечному закону
Возле дуба, у корней,
Шелестит побег зеленый,
Силе радуясь своей.

Зерна крупные пшеницы,
Знаю, сморщиться должны,
Чтоб могли ростки пробиться
В дни весны из глубины.

Ну, да что — и так все ясно:
Дни изменчивы твои,
Жизнь мудра, трудна, прекрасна.
Жизнь зовет тебя — живи!

1935

Я СТАРЫМ СТАЛ!..

Я стар!..
Как серебро сверкают
Седые пряди бороды,
И голова моя — седая:
Повсюду времени следы.
И слух мой...
Я от вас не скрою —
Лишь причитанья слышу я,
И мне мерещится порою
Могила черная моя.
А был я гордым.
Жил достойно.
Мечта меня вперед звала.
Была моя походка стройной,
Надежда светлою была.
Но дней немало пролетело...
Что вспоминать об этих днях!
Я весь увял —
Душой и телом.
Нет огонька в моих глазах.
Я стар.
И часто ощущаю,
Как застывает кровь в груди.
Все неуверенней шагаю —

Конец мне виден впереди.
Поверьте,
Я с улыбкой слушал
Когда-то,
В дни моей весны,
Слова о том,
Что «наши души
Свой черный долг платить должны».
Я стал другим.
Все понимая,
Свой прах уже я вижу сам...
О нем мне жизнь напоминает
И в свой черед
Напомнит вам.

1935

КОНЧИТА МАЛО

Бежит Гвадаррама, шумит и журчит,
К могучему Тахо течение мчит.
Сменяются волны, но поздно иль рано
Они изольются в купель океана.
Зловещий торнадо, свисти не свисти,
Не будет теченью обратно пути.
Пусть кровью окрашены воды у Тахо,
Но чист океан,— океан не наваха.
Немало он принял и крови, и слез,
В себе растворил их и в вечность унес.
Сверкает... И любо глядеть небосводу
В его беспредельную чистую воду.

* * *

Светало. Кончита проснулась и встала —
Шахтерова дочь, по фамилии Мало.
Здороваясь, робко сказала отцу:
— Отец, кукуруза подходит к концу.
Картофеля нет, ни крупиночки соли.
Как быть? Обратиться к хозяину, что ли?
— Сейчас же отправлюсь, конечно, изволь...
Все будет: и хлеб, и картошка, и соль,—
Давно уже солнце ушло от зенита.
В постель свою грустно ложится Кончита.
Спускается ночь,— а отец не идет.
Не ела Кончита, иззябла... но ждет.
Гуляют под звездами тихие пары,
Ей слышны под окнами струны гитары.
Привстала Кончита, мечтает она.
О чём ты рокочешь, ночные струна?
К ней ветер доносит веселые звуки:
«О где ты, мой друг? Я устал от разлуки!
Влюбленный, надеялся! Гитара, звени!
Влюбленному другу подругу верни!»
И сердце Кончиты уже не томится.
О если бы в ласточку ей обратиться!
Тогда облетела б Кончита весь свет...
Но миг — и мечтанья оборваны... «Нет!»
Вдруг екнуло сердце... Гитара, молчи ты!
Гитарой отравлено сердце Кончиты...
«Родимый! Да где ж ты замешкался, где?
За что я страдаю в тоске и нужде!»
Но что это? Стукнули... Голос взъярен:
— Сегодня, Кончита, отец арестован.
Зашел о зарплате крутой разговор...
И вот... Но довольно терпеть нам позор!

* * *

Шло время... Торнадо завыл с океана,
Навстречу с нагорий свистит трамонтана.
Дорога — к Мадриду. Ребята, в Мадрид!
А град осыпает, по каскам гремит.
Эй, Франко, эй, Франко! Не больно ль ты пылок?
Дождешься,— вонзят тебе шпагу в затылок!
Злодея погибель — всем ясная цель...
А буря бушует, кружится метель...

* * *

К Мадриду, к Мадриду, идут астурийцы.
К оружью, народ! Трепещите, убийцы!
Стоять на коленях — колени пропрем.
Смелее, товарищи,— стоя умрем!
А что же Кончита? Уж вышла из детства,—
Собою прекрасна была с малолетства.
Мадрид стал народным. Кончита — пилот.
«Четыре полета» — ее самолет.

* * *

Прославим ума вековые усилия,
Что дали бескрылым желанные крылья.
Ключи от пространства в руках трудовых,
Покров совлекается с тайн мировых.

* * *

Несется, гудит крепкокрылая птица.
Кончита ни вихрей, ни бурь не страшится.
Когда-то я слышал от бабки рассказ,

Как Сокол железный без посоха пас
Всю ночь до рассвета овечью отару.
То старая сказка! Теперь не алдару
Он служит. По небу проносится он.
Сбывается сказка, сбывается сон.
Несется Кончита к намеченной цели,—
Ей бури не страшны, не страшны метели.
Но видит врагов над собой, под собой —
И смело вступила с коварными в бой.
Огня Уациллы Кончите не надо.
Сегодня Кончита — Афина Паллада —
Врагов поражает смертельный огнем.
Кто ищет — безумец — погибели в нем?
Четыре фашистских воздушных твердыни
Вокруг девушки реют по синей пустыне.
Уж три задымились... Изведали гнев
Народной Афины, храбрейшей из дев!
Но что это?.. В бездну б врагам провалиться!
Девичьей руке не покорствует птица,—
Прострелено сердце... Мгновенья не ждут,
И твердой рукою раскрыт паразют.
Но ветер относит,— пространство открыто...
Куда же, куда же ты мчишься, Кончита?
Опомнившись ль, ветер?.. О сердце, молчи!
Терзают Кончitu враги-палачи.
Все новые муки для верной Кончиты
Придумать спешат голубые бандиты.
— Прости! Умираю... Испания, знай:
Я жизнь отдаю за возлюбленный край.
Держитесь! Спасайте народное дело.
Скажите сестре, чтоб пилотку надела...

* * *

Бежит Гвадаррама, шумит и журчит.
К могучему Тахо течение мчит,
Сменяются волны, но поздно иль рано
Они изольются в купель океана.
Зловещий торнадо свисти не свисти,
Не будет теченью обратно пути.
Пусть кровью окрашены волны у Тахо,—
Но чист океан,— океан не наваха.
Немало он принял и крови, и слез,
В себе растворил их и в вечность унес.
Сверкает... И любо глядеть небосводу
В его беспредельную чистую воду.

1937

КРЫМСКАЯ НОЧЬ

Ветер спит на Карадаге старом,
Обняла вершины тишина,
И по склонам гор багряным шаром
Покатилась полная луна.

В высоту всплыла стезей просторной,
Мелет, сеет свой мучнистый свет,
Рассыпает золотые зерна,—
Лес сияньем ласковым одет.

Над морскою гладью цепенея,
Окунула светлые лучи
В сумрачную влагу — и светлее
Заблистала в ласковой ночи!

Отсветом мерцает переливным
Безгранична равнина вод...
Небо ль разлилось сияньем дивным,
Море ль озарило небосвод?

Нынче празднество воды и света,
Нынче двух стихий согласный пир!
И, полноозвучного привета,
Сердце, ты обнять готово мир!

Завтра, море, ты под ветром бурным
Всколыхнешься, вспенишь гребни волн,
Засверкаешь пламенем лазурным —
И приду к тебе, волненья полн!

1937

ПУСТЬ К НЕБУ НЕСЕТСЯ

Пусть к небу несется
Напевов звучанье.
Да здравствует песня,
Да сгинет рыданье.

Во славу любимого
Вольного края
О радости нашей
Я песни слагаю.

О солнце, согрет я
Лучами твоими,
И сердце мое
Переполнено ими.

Забыл я о муках,
О скорби, о боли,
Земля позабыла
О черной неволе.

Врагу моя радость
Досадна, обидна,
Но тьма перед светом
Отступит постыдно!

Для солнца
Ни стужа, ни снег не опасны,
И бури земные
Над солнцем не властны.

Я песню слагаю
Во время сраженья
О смерти врага,
О его пораженье.

Я славлю страны моей
Двадцатилетье,
Хочу ее мужество,
Силу воспеть я.

1937

ОТ СЕБЯ К СЕБЕ

Народ, я твой сын, ты всего мне родней.
Народ, я — из крови и плоти твоей.
Народ — мой отец; кто же ближе мне был?
Народ — мать моя, он меня и вскормил.

Кто альчики дал мне? Народ — мой отец.
Кто был мне кормильцем? Народ — мой отец.
Кто сказки читал мне? Народ — моя мать.
Кто сладости нес мне? Народ — моя мать.

Кто дал мне лепешку голодной весной?
Кто песни мне пел на поляне лесной?
Кто в холод меня, сироту, обувал?
Кто ласковым словом меня согревал?

Народ — добрый труженик, все это ты!
Народ мой, сокровище, все это ты!
Живу я, тебя всей душою любя,
С тех пор, как я помню на свете себя...
Народ, я твой сын, ты всего мне родней!
Народ, я — из крови и плоти твоей!

1937

* * *

И все громче возле речки заливался соловей,
Где береза белоствольная блестела от росы:
«Здесь вчера
земля и ветки от мороза коченели,
Здесь вчера
на голых кронах оседал колючий иней,
Здесь вчера
цветок ни разу на глаза не попадался,
Здесь вчера
лишь волки выли да дрались из-за добычи...»
Слушал, слушал я с волненьем эту песню,
И все горестней над речкой нашей
пел и плакал соловей:

«Здесь отец твой
дни влачил в тоске-печали,
Ветер злобный
в грудь хлестал ему с размаху
И таскал его
за бороду седую,
А метель,
смеясь над рваной одежонкой,
Снегом жгучим
дыры в шубе набивала...»
Слушал, слушал я с волненьем эту песню,
И все радостней над речкой нашей
заливался соловей:
«Здесь сегодня
свет весны деревья греет,
Снег исчез,
и солнце золото нам сыплет,
Ткет природа
свой ковер цветочный, яркий
Ради счастья,
ради блага всех людей!..»
Слушал, слушал я с волненьем эту песню,
Все восторженней над речкой нашей
заливался соловей:
«Так приди же —
здесь цветами будешь встречен,
Так приди же —
ярким солнцем будешь встречен,
Ждут луга твоих детей —
пускай играют,
Не осталось здесь
ни горя, ни болезней!..»
Так над ясною рекою заливался соловей,
И от радости, как беленький ягненок,

Сердце прыгало мое,
и креп мой голос,
Злому прошлому проклятья посылая
И приветствуя взволнованною песней
День сегодняшний
и будущие дни!

1938

* * *

Дни — один другого хуже.
И на что мне жизнь такая?
Не живу, а увядаю,
К смерти день и ночь взываю.
Горе голову мне кружит.
Я благодарю природу —
Путь надеждой озарила,
В сердце пламя распалила
И еще дала мне силу,
Чтоб отстаивать свободу.
Только все напрасно было:
Все желания поэта —
В горле, песней недопетой,
Нет пути им к жизни, к свету.
Боль всю душу мне пронзила.
А в душе моей такое
Счастье пело утром ранним!..
Но ведь гром зимой не грянет,
Да и птица петь не станет,
Только зверь голодный воет...
Дни идут, они упорны —
Приведут к могиле черной.

Все прощай, что было прежде,—
Все мечты и все надежды!..
Горя я хлебнул на свете!..
Не страшна мне и могила.
Сердце, ты упрямым было,
Наши песни тут не милы,
Ну, а там нас черви встретят.

1938

* * *

Огонь, пожар в груди,
Чудовищная сила навалилась!
Что это?
Что со мной случилось?
Все шире лысина...
Вот иней на висках!..
Дни сочтены мои,
Я обращусь во прах.
...А все ж какой пожар
В груди Эрот раздул!
Ему еще я долга не вернул!
Душа
Его стрелою пронзена,
Смех шалуна
Проник в нее до дна,
И Кронос,
Властелин годов моих,
Перед Эротом
Молчалив и тих,
Он пятится все дальше,
А Эрот

Наскаивает,
Устремлен вперед.

Огонь, пожар в груди,
Чудовищная сила навалилась!
Скорей приди,
Хочу, чтоб ты явилась.
О свет моих очей!
Я жду тебя,
Войди же!
Дыханьем обожги,
Дай руку,
Стань мне ближе.
Лучи луны —
Причудливая ткань:
В них профиль твой сияет,
Как ни глянь.
Встал между нами вестником
Эфир,
И ты собой заполнила весь мир.

Приди —
Одна нас мучает напасть,
Подушку истерзала ты —
Не спиши.
Огонь в груди.
Бушующую страсть
Ничем ты не зальешь,
Не заглушишь.
Не мучайся,
С собою не борись,
Оставь подушку
И ко мне явись.
Тебя я убедить

Хотел бы в том,
Что пламя нужно сбить
Другим огнем.
Отбрось подушку.

Встань.

Шагни ко мне,
Огонь свой
потопи в моем огне,
Тогда над нами потеряют власть
Твоя напасть,
моя напасть,
и эта боль,
и эта страсть...

1938

* * *

Проходит жизнь,
И все во мне ветшает,
Слабеет сила
Слова моего.
«Что ты совершил?» —
Мой разум вопрошаet
И сам же отвечает:
«Ничего...»
Имел я руки сильные
И плечи,
Огонь был жаркий
В сердце у меня.
Ничем себя
Я не увековечил,
И силы нет,
И нет того огня.

Был молод я,
И кровь моя вскипала,
Лучи надежд
Высвечивали даль.
Во имя цели дерзостной,
Бывало,
Себя растратить
Было мне не жаль.
Да что теперь
Судить-рядить об этом!
Надежды, планы,
Грезы наяву...
Грядущее
Для сердца стало светом.
И мысленно
Я в будущем живу.
Так здравствуйте, потомки,—
Дети, внуки,
Я окликаю вас
Издалека,
К вам простираю
Старческие руки
Через века!
Как хороши
Восходы, зори ваши —
Младенчества румяная пора!
Еще светлей,
Безоблачней и краше
Пусть длиться будут
Ваши вечера.
Когда на торжество
Вы соберетесь,
Оставьте стул свободный
Для меня.

Клянусь, в застолье
Вы меня дождитесь,
Явлюсь к вам, пращур,
Давняя родня,
И тост мой громкий
Будет не открытьем,
Но повтореньем
Через все года:
«Друзья мои,
Свободу возлюбите.
Минуют вас напасти
Навсегда!»

1938

ПТИЦА УЖЕ НЕ РЫДАЛА, А ПЕЛА

В далекие это случилось года,—
Я был еще юным безумцем тогда...
Густые леса... Холодна и светла,
Проворная горная речка текла.
А рядом костер, и сидят чабаны,
Их шутки остры, а напевы грустны,
К ним в гости, бывало, ходил я не раз
И с ними охотно отары их пас.
Была уже полночь... Внезапно вдали
Громадная туча над краем земли,
Луну поглотив, тяжело поднялась,
И дождь зашумел, и гроза поднялась.
И вскоре под властью грозы и дождя
Река разлилась, разъяренно гудя,
Шатается лес, как от боли, ревет,
О дерево дерево ветками бьет...
Был дуб вековой над бурливой рекой,

Хлестал его ветер со злобой такой,
Как будто поклялся расправиться с ним,
И дуб содрогался со стоном глухим.
Удар громовой... Ослепительный блеск...
Мучительный стон, оглушительный треск,—
И наземь обрушился дуб вековой,
Осыпав поляну шумящей листвой,
Внезапно из рухнувшей груды ветвей
Надрывно запел, зарыдал соловей,—
Как видно, гроза, беспощадна и зла,
Жестокое горе ему принесла...
Кричал соловей... А густые леса
Гудели и выли на все голоса,
И плакали тучи, и вспышки огня
Метались во тьме, ослепляли меня.
Я сжался от ужаса, хрипло дыша,
О помощи тайно взывала душа...
Но вот все утихло,— и стало слышней,
Как плачет, поет и скорбит соловей.
Неслись его жалобы вниз по реке...
Меж тем разгорелся рассвет вдалеке,
И птица уже не рыдала, а пела,
Неистово пела,— и небо светлело!

1938

* * *

E. O.

Шло на запад жаркое светило.
Сердце знало: ночь вступает в мир.
Тьма забот вечерних обступила —
Время было отложить фандыр.

Вдруг — о чудо! — солнце луч вечерний
Бросило в толпу цветов живых
И своею щедростью безмерной
Побудило к страстной песне их.

Так и я. На сердце потеплело,
Я к фандыру потянулся вновь.
И опять объято жаром тело,
Звуки горячат, волнуют кровь...

1938

ОСЕНЬ

Лето кончилось, и осень,
Видишь, встала на пороге.
В дверь открытую внезапно
Холодком она дохнула,
Все углы заполонила.

Солнце будто в лихорадке,
Побледнело, потускнело,
Будто странник утомленный,
Медленно ползет по небу,—
Глаз свой огненный смыкает.

И желтеет лист на ветке,
Вянет, сохнет незаметно.
Рад бы он спастись от смерти,
Но приходит грозный ветер,
Рвет его. О, горе, горе.

Тучи серые проходят
По лесам, по горным склонам

И врываются в ущелья.
То к земле они приникнут,
То уйдут толпою в небо.

«Осень, осень», — так щебечет
Птичка, полная печали,
И скрывается далеко.
«Осень». Тихо стонет травка
И, к земле пригнувшись, никнет.

1939

11 ДЕКАБРЯ 1939 ГОДА

Не по желанью своему живем мы:
Свой нрав у сердца, — за узду схватить
Его не в силах я... Ты упрекаешь?
Что ж, я согласен. Но тогда сама
Смирить попробуй сердце, если сможешь.

Боюсь, никто на это не способен,
Так пусть хоть выскажу все, что кипит
Сейчас в груди моей... О сердце, сердце!
То словно море ты без берегов —
Мир отражаешь. Светишься. Ликуешь.

То солнцем ты становишься всезрящим
И озаряешь весь простор земной,
Ты даже червяка ласкаешь в луже,
Жука целуешь, как свое дитя,
И тучи одолеть тебя не в силах.

То станешь дряблым, как щека старухи,
То перепелкой робкою дрожишь,

То маком луговым покорно гнешься
Под самым легким ветром... Боже мой,
Как мне таким ты ненавистно, сердце!

Вот и сегодня ты таким же стало —
Гнетет тебя тоска... Ужасней дня,
Пожалуй, в жизни не было ни разу!
Стремился, бился я — и вижу вдруг,
Что только башни снежные построил.

Мне каждый взгляд ее казался счастьем,
Я за нее бы и на смерть пошел!
Я жажду утолял ее дыханьем,
Я мнил: мой путь — как море, где плывет
Та черноокая — корабль моей надежды.

Но... Но она моей могилой стала,
Тьмой черною,— и сам во цвете лет
Я в черном саване во тьму спустился...
Но... Но костром она моим была —
В его огне был заживо сожжен я...

Теперь ответь: что завтра, послезавтра
Смогу сказать я о моей любви?
Каким она мученьем новым станет?
О горе мне! Ужель все это правда?
Смогу ли я поверить?.. Горе мне!..

1939

* * *

Если в грудь заползает тревога,
Если скорбь — неподъемная кладь,
Только жаркие слезы и могут
Эту скорбь и тревогу унять.

Как благодатны вы, слезы!

Если радость нас обуревает,
Чем-то тронуты мы глубоко,
Вновь от слез, что глаза проливают,
На душе так спокойно, легко.

Как благодатны вы, слезы!

1939

* * *

Сердце в груди моей,
Сердце угрюмое
Черным со временем
Пеплом подернется.
Знайте однако же:
Красные, жаркие
Искорки-угли
Под пеплом останутся.
Вы соберетесь
На праздник когда-нибудь,
Разверошите мой пепел —
И вылетят
Искорки-угли

Красными птицами.
Так вы костер
Разведете, раздуете...
Пеплом
И новые угли покроются —
Вечного нет
Под луною и звездами.
Новый костер
От оставшейся искорки
Вспыхнет
И к небу взовьется высокому...
Энаю, иным
Тот костер не понравится:
Грея, светя,
Обожжет он кого-нибудь.
Все ж по заслугам
Поэту воздайте вы:
Вспомните песней меня
Иль рыданьем...

1940

СОЛОВЕЙ

Надо мной стрелой пронеслись,
соловей в лазурь взлетел,
И послышалось, что эвонко
на лету он так пропел:
«Скоро-скоро к вам в предгорья
осень злобная придет,
Смолкнут ваши дни веселья,
землю снегом заметет.

И сегодня в час заката,
чуть коснется солнце гор,
Вдаль умчусь я, где сияет
стран полуденных простор.
Сердце птицы не трусливо,
но ваш край покину я,
Чтоб сберечь мой нежный голос —
вешний голос соловья!..

Много бед бывает в жизни:
суждено, быть может, мне
По пути в горах замерзнуть —
на суровой крутизне.
В когти коршуну, быть может,
попадусь в недобрый миг,
По ветру мой пух он пустит,
певчий мой пожрет язык,—
И меня прошу вас, люди,
помянуть добром тогда,
Не злорадствуйте, услышав,
что умолк я навсегда.
Не был я кормильцем вашим,
но украсить жизнь хотел —
Никогда для вас, поверьте,
лучших песен не жалел.
Что ж, прощайте, в путь пора мне —
в путь за дальний перевал.
Так живите вы, как в песнях
живь я вам всегда желал».

1940

ПОСЛАНИЕ СЕСТРЫ

Пусть за тебя паду я жертвою,
Мой брат любимый, дорогой,
Ты, что бесстрашным, юным соколом
Умчался в беспощадный бой.

Привет тебе, твоим товарищам,
Откуда б ни были они,—
Пусть их в бою привет мой девичий
Хранит надежнее брони.

Скажи друзьям: про вас, отважные,
Мы вспоминаем день и ночь.
Громите, бейте хищных недругов,
Гоните их, коварных, прочь.

Скажи друзьям: за вас, любимые,
В тылу мы трудимся вдвойне,
И пусть наш труд огнем и пулями
Врагов сражает на войне.

Еще скажи: когда в Осетии
Сегодня праздник настает,
В руках у девушки гармоника
Вам славу звонкую поет...

Опора наша, свет очей моих,
Тебе на фронт подарок шлем:
Из шерсти мы фуфайку теплую
Связали с мамою вдвоем.

Пускай она кольчугой Цéрека¹
Хранит надежно жизнь твою!
Пускай клинок в нее не врубится
И пуля не пробьет в бою!

1941

* * *

Не радует солнце лучами,
Я ночью в тревоге не сплю.
Я болен. Я в тяжкой печали —
О смерти скорейшей молю.

О, лучше бы сердце остыло!
О, лучше бы — с плеч голова!
Не слышно вас, юных и милых,
О вас не доходит молва.

Вы мокнете там под дождями,
Сгибает вас лютый мороз,
Свинец вас сбивает волнами
Под грохотом бомбовых гроз...

Где косит вас огненный ветер?
Где ваш окровавленный след?
Уж лучше не жить мне на свете,
Чем думать, что вас уже нет!

Быть может, сомкнули вы зубы,
Конец прикусив языка...

¹ Кольчуга Цéрека — упоминаемая в народных песнях волшебная кольчуга, делающая героя неуязвимым.

Хранить имена ваши будут
Потомки, что клятву, в веках.

Быть может, прекрасные зданья,
Где праздник огнями слепил,
Разбиты под плач и рыданья —
И камни остыли в степи.

Мне легче увидеть паденье —
Как славы слетает звезда,
Чем ваши увидеть мученья,
В которые ввергла беда.

О, если бы вам ухитриться
И встретить избранниц своих,
Хоть раз бы в укромных светлицах
Обнять с нетерпением их!

Будь проклятым, враг наш кровавый!
Пускай для тебя навсегда
И хлеб обернется отравой
И зельем смертельный вода!

1942

ПРИЗЫВ

ПЕСНЯ

Эй, кто молод, все к оружью —
Враг у самых у дверей;
Ячменем коней ретивых
Накормите поскорей!

Выходите все в доспехах,
Защищая честь свою;
Пусть никто из вас не дрогнет
В этом яростном бою!

Пусть готовы будут ружья
И мечи обнажены!..
Труса праздновать не станем
Мы, Отечества сыны!

Эй, кто стар, все пожелайте
Силы духа тем, кто млад,
Чтоб никто из них папаху
Не сменил на женский плат!

Эй, красавица, взгляни-ка,
Мы на битву все идем;
Вместо нас ты землю вспашешь
На стальном коне своем!

Будут сниться на привалах
Косы длинные твои...
И возврадуется сердце
У кого-то от любви.

Конь, сверкая буйной гривой,
Унесет кого-то в бой...
Будем там, пока трубач нам
Не подаст сигнал «отбой»;

До поры, когда от бури
Не останется следов;
До поры, когда Отчизна
Засверкает от цветов!

Эй, кто молод, все к оружью,
Враг у самых у дверей;
Ячменем коней ретивых
Накормите поскорей!

Выходите все в доспехах,
Защищая честь свою;
Пусть никто из вас не дрогнет
В этом яростном бою!

1943

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО

Памяти Арсена Коцоева

Ведь совсем недавно был я мальчик...
В альчики играли во дворе.
Я, случалось, плутовал в игре.
Быт бывал... А то отнимут альчик...
Не спускал я тоже детворе.

Горд, заносчив был, дерзил ребятам.
Ну, случалось — высекут лозой.
Ссорились, бежали — кто домой,
Кто с горы, все порою... Но куда там!
Первым же мирился самый злой.

Поглядит — а где же я? И свистнет.
И опять мы в сборе, вновь игра.
Кто ругнется, кто со смеха прыснет.
Я — обыгран... А меж тем нависнет
Ночь над миром... Детская пора!

Не приметиши вас, года-годины!
Был подпаском, стал и пастухом.
С гор бывало скатывал лавины,
Стравливал козлов среди долины
Или же на тучи лаял псом.

Не вчера ли было все?.. А ныне —
Облысел, уже лицо мое
В складках... Долго ль дуб сломить лавине?
Сам не ждал — а вот и первый иней...
Показалась жизнь — и нет ее!

Но не вздумай убегать от жизни.
Весь отдайся ей и жди наград.
Чтим ты будешь в молодой отчизне,
Помянут сперва тебя на тризне,—
Помянут впоследствии — стократ.

1943

К. А.

Ты неприятен мне —
Взвалил на плечи брюхо,—
Где что поесть,
Где выпить —
Так и смотришь,
Как будто нет других забот.
Обжора! Выпивоха!
Пусть на тебя
Обрушится кувшин с вином,
Чтоб — сытый, пьяный —
Ты встать не мог из-под него!..

Ты, может, думаешь:
Мол, я уже воздвиг
Свой замок, или башню,
И теперь —
Мне памятник
За это установят.
Нет, безумец!
Ты ошибаешься!..
Взгляни вокруг —
Ты видишь, что сейчас за время?
Иль, может быть,
Чревоугоднику живот дан
Вместо зреяния,
И не различаешь ты,
Кроме вина и пищи, ровно ничего?!

Ведь содрогаются и горы нынче,
И камни жухнут от огня,
И почва пламеет!..

А чрево... что ж!
Оно же, как могила —
Как черная могила:
Никогда
Его насытить люди не могли —
Ни Крез, ни Ротшильд...
О, может, лучше, если ты
Себя принес бы в жертву,
Вместо юных —
Тех, кто теряют жизни
В борьбе с вселенским злом!..
Нет, люди доброго не забывают,
И тебе
Воздастся должное —
Твои заслуги
Они оценят...

Но свое добро
Ты сам же обливаешь грязью.
Зачем?
Остановись! Себя не пачкай!
Встань на ноги
И оглянись вокруг!
Возьми же снова в руки
Перо свое!
Оно проржавело небось
В забвении
И затаило обиду,
Мечтая о тебе
И днем, и ночью...
Встань! Отряхнись!
Ведь ты не лишний среди нас!
Прибавь нам веры в жизнь...

1943

* * *

Арсену Коцоеву

Жизнь делает свое,
А смерть решает
По-своему.

И ты к ней в когти
Попал, Арсен...
Пускай же будет пухом
Тебе земля Осетии.

1944

* * *

А что накаркал ворон?
И чей черед пробыло?
И не пора ли вспомнить
Про то, что в жизни было?
Ведь жизнь такая штука —
Не знаешь, что как будет,
И странно: почему же
Спокойны, в общем, люди?
Друзья, довольно, хватит
Беспечности и лени,
Узнáем жизнь поглубже,
Проникнем в суть явлений!
Великими делами
Шаги эпоха мерит;
Не всех выносят волны
На тот, заветный, берег...
К твоей душе взываю,
Мой край, любимый, горный —
У твоего потомства
Да будут крепки корни!

1944

* * *

Ты, с ничтожной душой, погруженной во мрак,
Ты, носящий за пазухой камень!
Если стол оскудел, то хозяин — твой враг:
Задушил бы своими руками!
Задушил — ну, а сам бы побрел за другим,
Раболепно клонясь к его уху:

Мол, забудь и прости... не был дружен я с ним...
Ты один — мой сподвижник по духу...
Благородства черты находил я в тебе,
И не знал, что ты создан иначе...
Да, случается так в человечьей судьбе,
Что ведем мы себя по-собачьи.
Впрочем, строго судить я не смею никак:
Сотворен ты природой самою;
Так живи, ешь и пей, и вкушай всяких благ,
Будь доволен всечасно собою.
Но меня ты оставь — я не твой, нет, не твой,
Нам с тобою везде будет тесно!
Я с народом иду по дороге одной —
Там, где он, там найдется мне место.
Ты же тихо сиди в самом дальнем углу,
Сберегая за пазухой камень;
Но не бойся меня: не пристало орлу
Мух вылавливать под облаками!

1945

ПОЭМЫ И ЛЕГЕНДЫ

МУЛДАР

То не разбойники украдкой,
Не лесорубы жгут костер —
Повстанцы с юношеской хваткой
Свободу ищут среди гор.

Их полночь буркою надежной
Прикрыла — не найти следа.
Лишь Млечный Путь, как след тревожный,
Да рядом громкая вода.

Костер ликует. Сдвинув плечи,
Друзья костра стоят вокруг.
И — общий смех, и — общность речи,
Как в этом мире дорог друг.

Свириль умолкла до рассвета,
Закончен ужин в треске дров,
И невзыскательное лето
Им заменяет теплый кров.

Лежат — под головы колоды,
А ноги — в сторону огня.
Чтобы укрыть детей свободы,
Лесная ночь надежней дня.

А рядом под стволов дуплистым
Мулдар, задумавшись, сидит,
И радость не подходит близко,
И сердце каменно в груди.

И от костра к нему взывают:
«Мулдар, свирель-то под рукой!
Ты, словно туча грозовая,
На сто мужчин один такой.

Как так — лицо темнее ночи,
Погост и тот светлей ее,
Скажи нам, чем ты озабочен,
Открой нам бедствие твое».

Раздался вздох, как сиплый хохот,
И от костра взметнулся жар.
И сердце вздрогнуло от вздоха,
И вскинул голову Мулдар.

Зажглись глаза огнем печали,
Как два рубина от грозы,
На землю жадную упали
Две черных горестных слезы.

«Откроюсь,— он подумал,— что ли? —
Откроюсь, вспомню страшный путь
И, может быть, от вечной боли
Я отдaluюсь хотя б чуть-чуть».

И он повел рассказ унылый:
«Мы жили в крае нищеты:
Весна — бледна, зима — могила,
А лето с осенью — пусты».

Бесцветны дни, бессильны руки.
И мне, рожденному для зла,
Кавдас¹ был люлькой, нянькой сука,
Овчарка с именем Мила.

Отец, на то своя бы воля,
Орлом прожил бы, не ужом,
Но согнут был батрацкой долей
И умер на дворе чужом.

Два брата нас осталось, что же,
Как хочешь, а иди, живи,
Жизнь дорога, чурек дороже,
Но ты — мужчина, не реви.

Я спал в пещере у селенья,
Я рылся в травах среди дня,
И выксовыривал коренья,
И пожирал их без огня.

Зимой я шел в загон овечий
И груз чужой, горам сродни,
Сгибал мои худые плечи,
Мои мальчишеские дни.

С семью сердцами, не иначе,
Любой бедняк на свет рожден,
Мой старший, как и я, искачил,
А ведь не сгорбился и он.

«Иди, живи!» — так вырастали
Мой брат и я — к беде беда,

¹ Кавдас — кормушка для овец.

Все уступив, не уступали
Друг другу тяжкого труда.

Работа, ссызмальства работа,
А юность — новая страда...
Но и она за поворотом
Уже осталась навсегда.

И вот однажды, как немилость,
Пришел неурожайный год,
Кровь у людей из глаз сочилась,
Валился с голода народ.

И тут, случилось, важный кто-то
С утра пришел на наш порог.
Шумит и ломится в ворота,
Скандалит, требуя оброк.

Я встал у гостя на дороге:
«Уж ты прости нас, горе нам,
Что может дать бедняк убогий?
Ведь год пустой — ты знаешь сам».

«Отыщешь, раб, теленок кроткий!» —
И ни с того и ни с сего
Хлестнул меня по шее плеткой,
Как жеребенка своего.

Так что ж, и впрямь собакой верной
Стал человек послушный им?..
Да будет проклят тот, кто первый
Стал на колени пред другим!

Вскипела кровь моя, и молча
Кинжал я вырвал из ножон.

Но — ой-ой-й-ой — как раб сговорчив,
Как все прощать умеет он!

Мой старший брат, возникнув сзади
И, впившись в руку мне, затих...
О люди, светлой жизни ради,
Молю вас не щадить таких!

«Ты что? — стоит темнее бури,
И в глотку вдруг вцепился мне,—
Из-за твоей,— кричит он,— дури
Теперь налог возьмут втройне.

Отец платил и был в почете,
Умел порядок уважать,
И как ни гнулась на работе,
Как ни бедна, платила мать.

Иди, живи, птенец бескрылый,
Себя погубишь и родню,
Алдара сила нашу силу,
Как стебель, рубит на корню».

Схватились, скрючились, скрутились,
Не отпускает брат кинжал.
Смотрю, сбежал наш кровопиец,
Душонку спрятал — и сбежал.

И подкатила желчь к гортани,
Да так — не выплюнуть ее!
«О старший мой! Сейчас ты глянешь
На туловище на свое.

В твоем несчастье виновата
Душа трусливая раба,

«Иди, живи!»... Но, слово брата,
Предрешена твоя судьба».

«Иди, живи!» — мы знали оба,
Но ты, как червь, нашел себе
В навозе жизнь. А я до гроба
Орел, я не в твоей арбе.

Чтоб рабский век твой был короче.
Его подрежет мой удар.
И, может, в страхе среди ночи
Проснется ныне сам алдар.

«Я вас троих одним кинжалом
Сражу за вольные права...»
Мой старший вскрикнул, и упала,
И покатилась голова.

Я вытер свой кинжал бедовый
О волосы его, а сам
Вскочил в седло и — прочь от дома,
Навстречу безутешным снам.

А мать мне в спину прокричала
Проклятье. Я ношу его,
Из сердца мягкого изгнала
Она меньшого своего.

Отвергнут близкими, родными,
Я — страшный сон, я — сам кошмар,
Я — нарицательное имя
Братоубийцы, я — Мулдар.

Но, пусть комок катаю в глотке,
Живу в соседстве со зверем,

Но нет на мне ударов плетки,
Хожу, не ползаю червем.

Брожу меж солнцем и пожаром,
А в ночь с луной договорюсь,
И вдалеке убью алдара,
И вновь в берлогу заберусь.

Вот жизнь моя. Что ж, проклинайте
Меня. И упрекайте вновь.
Но рабский строй не вечен, знайте,
За то и льется, льется кровь.

Себя убей своим кинжалом,
Но не дели удел раба!
И пусть тебя не тронет жалость,
Вся жизнь — борьба! И смерть — борьба...

Что значит жизнь отца и брата,
Когда оковы всем грозят?
Позор, позор! Живи крылато,
А под плетьми и брат не брат.

Да, да, конец, конец алдарам,
Руби, души, круши людей!
Земля впитает кровь недаром,
Воздвигнем башни из костей!

Вот в чем мой бог, мои пророки.
Свобода — вера и судья.
На жертвенник ее высокий
Людей без счета брошу я.

И пусть «убийцею» с проклятьем
Меня поносит млад и стар.

**Свободным объявляю братьям:
«Алдарам месть несет Мулдар».**

Так и живу. Мулдар проклятый,
Молюсь кинжалом за народ.
И, знайте, от святой расплаты
И мой хозяин не уйдет...»

Мулдар умолк. Но сон, я знаю,
К нему сегодня не придет...
Детей свободы поручаю
Тебе, смеющийся восход.

Весь лес затих. На ветках птицы
И в дуплах белки сладко спят.
Но, может быть, змее не спится:
Как мед накапливается яд?

Нет, и змея спит ночью сладко,
Хоть палку обломай на ней,
Но утром знай ее повадку,
Когда лежит среди корней.

Весь лес затих, и лишь в ущелье
Гремит вода, ей спать невмочь,
Она всегда стремится к цели,
Ей все равно — что день, что ночь.

Она не знает об алдараах,
Не платит дани никогда,
Бежит вперед по руслам старым
Извечно юная вода.

Бежит вперед, и ей не страшен
Ни камень, ни огонь, ни лед.

**И с ней вдвоем меж горных башен
Ущелье гордо поет.**

Ушла луна, за ней крылато
Из-за горы летит восход,
Мужчины спят, и сон отряда
Лесная дружба бережет.

**Хороших сновидений утром
Тем, кто в сражениях устал,
Кто поднял в единенье мудром
На плеть алдаров свой кинжал.**

**И солнце, что со взгорий встало,
Пусть озаряет их сердца,
Чтоб выполнили их кинжалы
Свой долг свободный до конца.**

1929

ГЫЦЦИ¹

Ярче солнце, день длинней,
Сон стряхнуть земле пора.
Вьется травка меж камней,
Изменила цвет гора.

Окаймлен реки извив
Изумрудным пояском,
Вспухли почки нежных ив,
Козы — точно под хмельком.

Снежных шквалов минул час,
Знай, весна пришла, весна!
Как гостей на свадьбе, нас
Щедро потчует она.

Мчит река, журчит у ног...
Мысли вспять обращены —
Черных дней бежит поток,
Воды прошлого мутны.

В них, моя голубка-мать,
Светлый образ твой возник.
Сакля... Сумрак... Время спать...
Сбился в камень наш сенник.

Ты его перетрясла,
Рядом с сыном улеглась.
Ты да я, да тиши, да мгла...
Сказка, сказка началась...

Ночь морозная длинна,
За окошком снежный вихрь

¹ Гыцци — мама.

**Дует в спину от окна,
Узок войлок для двоих.**

Тут пошла шубенка в ход,
Я под ней свернулся в ком.
Междуд нами серый кот
Сунул мордочку тишком.

В детстве песенку кота
Слушать я любил сквозь сон...
К нам ягненок-сирота
Подошел — озяб и он.

Пала мать его — и вот
В саклю он из хлева взят.
Он уже не входит в счет
Прочих, крепеньких ягнят.

На ногах не тверд малыш,
Вспоен сызмальства рожком.
Разве пахтанье сравнишь
С материнским молоком?

Мы пригрелись — много нас:
Кот, ягненок, я да ты...
Веки воском налиты...
Сказка сном оборвалась.

* * *

Лег на балки потолка
Иней бархатом седым,
Я на кучке кизяка
Примостился... Тяжко!.. Дым...

Ты огонь спешишь раздуть,
Горстку хвороста собрав,
Резь в глазах от чада, муть.
Обгорел худой рукав!

Разгорелся огонек,
Поднесла к нему сынка.
Колют искры. В уголок
Отбежал, скулю слегка.

Но не до ребячих слез
Бедной. Входит дед, бранясь:
— Убирать ступай навоз,
В нем осел совсем увяз!

В хлев идешь. Бегу, дрожу,
Полуголый... Оглянись!..
Вот на яслях я сижу,
Вот коровой сброшен вниз.

Заревел. Иэмазан сплошь.
Плача, стерла грязь с лица,
В уголок меня несешь,—
Окотилась там овца.

Лижет в лоб меня она,—
Вот теперь я не один...
Как болит твоя спина!
Не перетаскать корзин.

Убрала навоз, спешишь
В дом со мной, а там беда:
Кот гонял по сакле мышь —
Вся похлебка разлитая.

Кот наказан за разбой.
Ты обшарила мешки:
— Как нам быть, сынок, с тобой?
Нет ни горсточки муки!

Мы на мельницу идем.
Ветер, стужа... Ох и жизнь!
Невелик мешок с зерном...
— За подол, сынок, держись!

Ухватился я, побрел.
Вдруг, как ветром, сшибло с ног.
Сжат в ладошке юбки клок,—
Знать, гнилой он — твой подол!

Добрели. Молчит вода.
В стужу кто сюда пойдет!
Наросли утесы льда,—
Оббиваешь камнем лед.

Посинели руки, все ж
Пущен жернов, трет зерно.
Горю волю ты даешь,—
Не удержишь, все равно...

Колесо — в потоках слез,
Слезы катятся из глаз.
Сколько тут их пролилось,
Расплескалось в этот час!

Эй, подбитый ветром дом,
Сам ты держишься едва!
Плачут, стонут жернова,
Мелют нехотя, с трудом.

Скрежет, грохот... Как понять
Невеселый тот язык?
Все ж, моя бедняжка мать,
В сердце он твое проник:

— Горе, женщина, тебе!
Твой ребенок гол и бос.
К злой готова будь судьбе:
Впереди лишь реки слез!

— Горе!.. — вторишь ты, стена. —
Как дожить голодный год?
Пусть земля возьмет меня,
Тяжко бремя злых забот.

Трудно, выбилась из сил,
Нет мне больше моготы,
Камень сердце придавил! —
Причитаешь громко ты.

Песней горе льешь свое
В той каморке ледяной.
Тупишь боли острье,
Охлаждаешь муки зной.

Так горянки голосят
В час печальный похорон.
Этот траурный обряд
Здесь веками освящен.

Ценят плакальщиц у нас,
Славят их за мастерство.
Облегчает плач подчас
И сиротство, и вдовство.

Вот и кончилась возня.
Прервала болтушка пляс.
Долго ль мерку ячменя
Намолоть — весь наш запас?

Даже пыль в мешок смела —
Лиший выкроишь обед.
— Поспешим! — бранится дед.—
Надо браться за дела.

— Мамка, хлеба!
— Не скули!
Видишь, все, что есть,— вот тут.—
Шат — и силы все ушли...
Скользок путь обратный, крут...

Покатился... Всхлипы, вздох...
Бей не бей — не встать мне, нет...
Заломила руки: — Ох!
Не родиться бы на свет!

В гору медленно бредешь.
На спине мешок, на нем —
Я... Плетемся... Невтерпеж!
Как еще далеко дом!

Дни за днями так идут,
Все темней они, грустней.
Светлых не было минут
В жизни горестной твоей.

Но всему есть свой черед.
Лютовать судьбе не век.
С плеч твоих свалился гнет,
Луч зарницы тьму рассек.

О родительница, мать!
Оглянись скорей кругом:
Нашей сакли не узнать,
Жизнь в селенье бьет ключом.

Как ты маялась и как
Дочь твоя теперь живет!
На груди — почета знак,
Трудодней ведет подсчет.

Ночью спит спокойным сном,
Ей метели не страшны,—
Устлан новый пол ковром,
Окна все застеклены.

Не заботясь о еде,
Встала, мылом руки трет,
Есть во что детей одеть,
В поле труд счастливый ждет.

Дома деверя жена,
Есть кому растить ребят,
А не справится она,—
Так имеется детсад.

Собрала с утра детей,—
Как спешат они, бегут!
Там накормят малышей,
От беды уберегут.

Наши будни хороши,
Вольный наш почетен труд.
Наша смена — малыши —
Вешней порослью растут.

1934

СЫН УАХАТАГА УДАЛОЙ ГУЙМАН

ДИГОРСКОЕ СКАЗАНИЕ

Уже светало...
Высоко в небе,
Смеясь, сверкала
Звезда рассвета.
И в это время
Постель покинул
Гуйман веселый.

Черкеска в дырах
И шапка в клочьях.
Обул арчита,
Мешок закинул,
Ружье кремневку
Повесил на бок,
Кинжал поправил,
Взял палку в руки,—
Недолги сборы.
Идет он в горы
Стрелять по турам.

Стрелять по турам
Гуйман уходит,
Берет с собою
Он побратима.
Кто лучший спутник,
Чем брат названый?
Кто есть надежней,
Чем друг любимый?
Любил как брата
Он Касполата.

Еще с собою
Взял пса — Силама,
И громко лает
Короткоухий.

Поднялось солнце
Из гор далеких,
С вершин свисает
Ледник прозрачный.
Блистают камни
В горящих росах,
Индейки тихо
Свистят в утесах.
След Касполата —
В горах неверных.
Гуйман в ущельях
Следит за зверем.

Но что за чудо?
В горах ни тучи,
А все кочует
В них гром могучий.
Откуда молний
Ущелья полны?
Не гром грохочет,—
То из кремневки
Стреляет туров
Гуйман веселый.
В зените солнце.
Шашлык зажарил
Из ребер серны
Гуйман веселый.
Плечистый, крепкий,
Все пел он песню.

И ждал, все ждал он
Касполя-друга.
И вот пришел он,
Ни с чем пришел он,
И словно кровью
Лицо облито
У Касполата.
Кричит Гуйману:
— Ты об обеде
Оставь заботы,
Смотри, в ущелья
Проходят туры.

Тут искроглазый
Заторопился
Скорей к утесу,
Но нет в ущелье
И следа туров.
Каспол окликнул:
— Ты их не видишь?
Иди поближе
На край утеса,
Давай скорее
Полу черкески.
Тебя держу я...
Глядит в ущелье
Гуйман плечистый,
Но что увидит
Он, искроглазый,
В пустом ущелье!..

Что было силы,
Толкнул с утеса
Гуймана в пропасть

Клятвопреступник.
Пусть эта кара
Врагов постигнет,—
Разбился в скалах
Гуйман прекрасный.
И только слышен
Вдоль по ущелью
Прощаальный возглас,
Мольба о мщенье.
— О пес мой верный,
Силам любимый!
Ты мать проведай,
Скажи родимой,
Что враг проклятый
Нарушил клятву,
И страшной местью
Мсти Касполату.

Чуть слышный ветер
Кружил в ущелье,
Потом на смену
Явилась буря.
Это — от гнева
Вдруг вспыхнул глетчер.
Подобно буре —
Его дыханье.
Присел на камень
Клятвопреступник
И черным мыслям
Дает он волю.
«Убогим прожил
Отец Гуймана.
Мать к нам ходила
За простоквашей.

И в этом доме
Ни им, ни дедам
Не приходилось
Козленка резать.
Во имя Дзуара¹
И трех лепешек
Не выпекали
В их бедном доме.
Но бог Афсати²
(Ему бы я отдал
Собаку в жертву,
Пусть даст мне помощь)
Любого зверя
Вручал Гуйману.
Гуймана доблесть,
Гуймана сила —
Все, что желал я,
Превосходила.
Пред ним ни шагу
Ступить не мог я.
Так спи в ущелье,
Иль в преисподней.
Пусть будет щебень
Твоей могилой,
Пусть ткут твой саван
Роса и буря.
Сегодня ночью
Лиса съест уши,
А завтра ворон
Глаза добудет.
А я спокойно

¹ Дзуар — святой.

² Афсати — бог охоты.

В аул сегодня
Снесу убитых
Тобою туров.
Скажу:
— Смотрите,
Одною пулей
Я по два тура
Враз убиваю.
Гуйман же счастье
Свое утратил,
Пустой не смеет
В аул вернуться...
Подходит к турам
Клятвопреступник,
И вынув нож свой,
Подносит к горлу...

Силам Гуйману
Не изменяет.
Чужого ль, друга
Он даже близко
К убитой дичи
Ступить не пустит.
Свалился бурей
На Касполата —
Пусть так твой недруг
Наказан будет! —
Он вырвал мышцы
Из ног убийцы.
И как ни бился
Клятвопреступник,
Как ни молил он,
Как ни кричал он,
Но рвал на части

Короткоухий
И мягкий мускул,
И сухожилье.

Стонал и плакал
Убийца злобный.
Темнели лужи
Нечистой крови.
И пал он наземь
В тоске предсмертной.
Пропало солнце.
В теснинах горных
Лишь луч последний
Вершин коснулся.
И шлет в ущелье
Свое дыханье
Ледник прозрачный.
Проснулся ветер,
И слышно пенье
Его в стремнинах.
Лежит на камнях
Во сне смертельный
Клятвопреступник.
Сегодня ночью
Сова раскроет
Глаза убийцы.
А там в ущелье
Лишь вой Силама.
Гуйман, ты слышишь,
То — пес твой верный
О друге плачет,
Зовет тебя!

1935

ПИР У БАДЕЛЯТ

Пир у Кубати
Готовят знатный:
Стал офицером
Сын у Афая.
Весть облетела
Весь край Дигорский.
Посланцы скачут
Во все концы:
— Эй! Из Дигорских
Ущелий горных
Ведите лучших
Быков отборных,
Овец, баранов,
Да потучнее,—
Чтоб таял жир!
Афай желает
На радость сыну
Устроить завтра
Отменный пир!
— Твердят о нартах¹.—
А что нам нарты?
Чем Ахсартагов
Не нарт, а ну-ка?
Пусть Зилахаром²
Хвалятся нарты,—
Его ли хуже
Наш Султанык?
Нынче настало

¹ Нарты — сказочные богатыри осетинского эпоса.

² Зилахар — место игрищ в нартском эпосе.

Время алдаров.
— Пусть прославляют
Люди меня! —
Так похвалялся
Афай надменный.
Еще посланцев
Он шлет с наказом:
— В седло — да живо!
Мчись в Кабарду.
Кто родом славен,
Афаю равен,
Пусть будет завтра
Здесь на пиру.
Еще был послан
Гонец с поддужным
К потомкам Тага
И в Цми¹, и в Ларс¹.

* * *

Весна. Сияет
Омытый утром
Аул Кубати.
Девиц нарядных,
Юношей статных
Поток втекает
К Афаю в дом.
А ветер утра
Песню разносит
Легким крылом.
Двор у Афая —
Не двор, а площадь!
Сидят дигорцы

¹ Цми, Ларс — села в Осетии.

Во всех углах.
Дигорцы — с Кумы:
Давно Кубати
Крепко схватили
Их под уздцы.
Земля когда-то,
Земля кормила
Крестьян, а ныне
Что бедный значит?
Земли — ни пяди,
Весь век батрачит
У богача.
Весна настанет,—
Коль не засеешь,
С голоду дети,
Пожалуй, взвоют
В лютую зиму.
А у Кубати
Земли избыток.
Так вот дигорцев
И привязала
Нужда лихая
К плетню Кубати
Ради земли.
Теперь на пире,
Как слуги, служат:
Фацбай — смотри-ка! —
Баранов режет,
Гастан, без шапки,
Огонь разводит,
Канцау носит
Для кухни воду,
Тазе с усердьем
Колет дрова.

* * *

Играет солнце.
Пот так и льется
Со лба Канцау,
Вконец ослабли
Руки Тазе.
Топор сверкает,
Мысли туманит.
Соблазном манит.
Блестит, как шашка,
Темя Гастана,
Сейчас от зноя
Грудь разорвется.
Фацбай томится,
Но бодр пока,
Хоть солнце жарит
Ему бока.
На славу праздник!
Дом чисто прибран,
Внутри прохладно.
На верхнем месте —
Смотри — старейший
Из всех Кубати —
Сидит Сафар:
Язык — что вата,
А сердце — шип.
Такими сроду
Были Кубати.
А справа — видишь? —
Джанхот с ним рядом,
Князь кабардинский,
Слева — почтенный
Первенец Тага

Князь Татаркан.
Пониже — стройный
Князь Амурхан
Туганов, старший
В роду, смиренный,
Как есть баран.
Коли Туганов,
Так знай: бездельник,
Но хлебосольный,—
Все таковы,
По ряду дальше —
Елкан, Мысырби,—
Словом, немало
Знатных гостей.
Итак, в разгаре
Пир у Кубати.
Ежели спросишь:
Как там пируют? —
Скажу: обычно.
Так, как прилично
Им пировать.
Все в изобилье —
Вино и яства,
Около старцев
Застыл в почтенье
Юношей ряд.
А сколько здравиц,
Речей хвалебных —
И не сочтешь!
У нас их любят...
Бога помянут,
За государя
Чашу подымут,
И за Инала

Со вкусом выпьют:
— Чтобы почаще
Афаев сын
Переходил бы
Из чина в чин.—
Так речь закончил
Старший Кубати,
И, стоя сзади,
Юный Инал
Нарядной грудью,
Как день, сверкал.

* * *

В разгаре пляски.
Плещут ладони.
Парни, девицы
Стоят толпою.
Пара танцует,
Вдали гардует
Лихой джигит.
Вот к молодежи
Инал подходит,
Бритый, лощеный,—
Издали видно,
Что офицер!
Красавец! Сдвинул
Назад папаху,
Глаза и щеки
Огнем пылают.
За ним, проворно,—
Его собачка,
Едва ударил
Инал в ладони,

На задних лапках
Запрыгал пес.
Бледнее снега,
С орлиным взором,
Рукою машет
Ей Залихан,
Сестра Инала;
Вот подбежала
К ней собачонка,
Лапки потерла
О шелк наряда,—
А та смеется,
И брат смеется...
Танцуют люди,
Танцует пес...
Сияет солнца
Всесильный светоч,
Лучи на землю
Шлет издалека,
А с ними счастье
И сон блаженный.
Земля впитывает
Тепло живое,
И подымает
Свой яркий венчик
В траве цветок,—
Он приобщился
Сегодня к жизни.
Дереву любо
Смотреть в долину.
Черные ветви
Оделя зелень,
В листве высоко
Сидит скворец.

Поет он солнцу
Звонкую песню,
Он предан жизни,
Поет о ней,—
А люди слышат,
И каждый хочет
Жить попросторней.
Жить повольней.
Фацбай бедняга!
Фацбая танцы
Смущают, манят —
Не устоять!
Широкоплечий,
Высокий, смирный,
Фацбай в семействе —
Один кормилец,
Один лелеет
Старую мать.
Отец Фацбая
К земле пригнулся.
Он у Кубати
Жил в батраках.
Промерз однажды,
Слег — и не встанет:
Знать, полюбила
Его постель...
Фацбай все режет
Да режет мясо,
Шашлык шипящий
Все носит, носит
К столу господ...
Уж пир Кубати
К концу идет.
Служил весь вечер,

Теперь, к концу,
Как-то окажут
Честь молодцу?

Того не будет,
Чтоб оказалось
Мир и согласье
Межу алдаром
И угнетенным
Им батраком.
Свари их вместе
В котле едином,
Батрак отдельно
Свой даст навар,
Навар отдельный
Даст и алдар.
Но ходу просит
Сердце Фацбая,
Кипит — вскипает
Кровь молодая.

* * *

Гармошка — сила!
Фацбай сдается:
Фацбая тянет
Вмешаться в танцы.
Парень подходит,
Сам не приметил,
Как очутился
В ряду алдарском.
Кто-то уж тащит
Его плясать.
Глаза таращит

Пьяная знать.
А Залихан — ишь —
Морду воротит,
От кавалера
Взор отвела,
Гордая, злая,
Знай, от Фацбая
Оберегает
Шелк подола.
Хоть ног не чует,
Но пляшет парень, —
Хоть провалиться б!
Весь потный... Ходит
Двор ходуном...
Остановился,
Из ряда вылез,
Княжну-гордячку
Освободил...
Руки повесив,
Голову свесив,
Медленно с круга
Сходит Фацбай.
А перед парнем —
Инал... Как крикнет:
— Ты оскорбляешь,
Знаешь, кого? —
Миг — и кинжал свой
Вынул Инал.
Фацбай затрясся,
Вскочил от гнева,
Левой рукою
Вырвал кинжал,
Правой рукою
Схватил Иала

И в богатырском
Объятье сжал.
Кричит Кубати,
Князь благородный,
Бегут родные
Со всех сторон.

* * *

Рассказ я слышал:
Бежала лесом
Лань, озираясь,
Глядела, где бы
Сыскать источник.
Вот и криница.
Пьет не напьется,
Не оторвется,
Как вдруг из чащи,
Воя и лая,
Вынеслась стая
Свирапых псов.
На лань собаки
Кинулись разом,
Мясо оленье
Собаки рвут.
Лань застонала,
Смолкла, упала...
Сердце оленье,
Впредь не стучи!
Кровь на поляне
Каплями блещет,
В каплях трепещут
Солнца лучи.

* * *

Хоть парень ловкий,
Хоть парень смелый,—
Что одному
Сделать ему?
Весь род Кубати —
Старый и малый —
Бьют и калечат...
Упал на камни
Подбитый кречет...
Не ждал на танцах
Парень конца!
А Залихан, та
Мертвому парню
На грудь ногами
Встала, позорит
Честь мертвеца:
Вот тебе, вот, мол,
За оскорбленье!..
Через минуту
И пес Иналов
К мертвому телу
Прибрел тайком,
Обнюхал тело
И жадно лижет
На лбу Фацбая
Кровь языком.

* * *

Отпирорвали.
Туманом поздним
Уже белели

Границы неба.
Клонилось солнце
К аулу... Кто там
Идет, шатаясь? —
Афай, хозяин...
Он сыт по горло,
Пиром доволен.
Вошел и лег.
Слышит: снаружи
Гром громыхает,
Вот дождь закапал,—
Энатная, видно,
Будет гроза...
Она с Фацбая
Кровушку смоет...
В теплом покое
Афай Кубати
Зевнул и сладко
Смежил глаза.

1935

САТАЙ-ХАН

Если спросите: когда же
Это все могло случиться,
В ожидании ответа,
Зря, друзья мои, прождете,
Зря прождете, так и знайте.

У былого — слух неважный,
Знать, золой забило уши,
И на все расспросы ваши
Не получите ответа.
Прошлое не хочет слушать,
Но рассказывать умеет —
Всей душой ему внимайте.

Нынче ночью спать не мог я,
И мечты меня умчали
По утесам, по вершинам
В дикое, глухое место.
Там седые старцы-горы
Мне о многом рассказали,
Был их гостем я — и долго
Слушал, слушал их рассказы
О далеких наших предках.
Вам поведаю сегодня
Я одну из этих былей,—
Если по душе придется,
Завтра расскажу другую.

Жил да был старик почтенный
Посреди степей ногайских.
Звали старика Батыром,
И единственным богатством

Он владел — чудесной дочкой,
Старых глаз его отрадой.

Дочь Батыр любил-лелеял,
Без нее не мыслил жизни,
Без нее бы солнце в небе
Для него навек померкло,
И в заботах о дочурке
Сморщился и высох старец,
Будто гриб на солнцепеке.

Мира дивным украшеньем
Сатай-хан была — так звали
Дочку старого Батыра.
Чистой бусинкой лучистой
Тыйыкка¹ ее прозвали:
В каждом, кто ее увидит,
Жажда счастья разгоралась!

Что цветок был перед нею!
Что звезда была пред нею!
Появлялась — ослепляла
Вспышкой молнии небесной.
Луч зари — ее улыбка,
Поступь — как у стройной лани,
Стан — как деревце прямое,
Нет, как стебелек цветочный.
И по всей земле ногайской
Слава шла о дивной деве,—
Каждый день являлись сваты
В дом почтенного Батыра.

¹ Бусинка Тыйыкка — символ красоты в осетинской народной поэзии.

Но согласья не давала
Женихам богатым, знатным
Сатай-хан — земного мира
Украшение и чудо.

А за Тереком бурливым
Жил Наур — джигит веселый,
Жил, ничем не знаменитый,
Но красивый, смелый, статный.
И однажды в край ногайский
Он купить коня явился.

Почему и как случилось —
Суть не в том. Но по дороге
Завернул во двор к Батыру
Наш Наур — джигит красивый.
День был жаркий. Встретить гостя
Сам Батыр почтенный вышел.
Поздоровались учтиво.
Встретились. Разговорились.

Тут Батыр окликнул дочку:
«Где ты, дочь? Денек-то знойный,
Прибыл гость наш издалёка,
Принесла б ему напиться,—
Пусть узнает, как водица
Хороша в колодце нашем!»

Ласточкой с крыльца порхнула
Сатай-хан — бегом к колодцу,
До краев наполнив чашу.
Легкой поступью вернулась,
И проворно, и учтиво
Чашу гостю протянула.

А подав джигиту чашу,
Отошла — и чуть поодаль,
Опустив ресницы, встала,
На него украдкой глядя.
Взял Наур с водою чашу,
А поднять к губам не может,—
Так был поражен, бедняга,
Яркой, как сверканье солнца,
Красотою дивной девы.
Так стоял он, ослепленный,
Все померкло перед взором,
И на пару черных бусин
Вдруг глаза похожи стали.
Вот, дрожа, как тополь в бурю,
Медленно он поднял чашу
И к губам поднес, но боже —
Силы нет глотнуть ни разу!

У любви, как всем известно,
Тайн и странностей немало!
Вот попробуй разгадай-ка:
Отчего внезапно сердце
Жарко биться начинает —
Что в него стрелой вонзилось?

Задрожала в ту минуту,
Как цветок перед грозою,
И молоденькая дочка
Досточтимого Батыра.
Ей ничуть не легче было,
Чем приезжему джигиту...
Почему ж дрожит бедняжка
И готова чувств лишиться?
То ли сглазил кто-то злобный?

То ли молния пронзила?
Нет, никто ее не сглазил,
И не молния пронзила,—
Это два горячих сердца,
Молодых, влюбленных сердца
Ищут путь к соединению!..

Будь я властелином мира,
Одному бы посвятил я
Жизнь свою — соединял бы
Жаркие сердца влюбленных,
Чтоб вовек не разлучались!
И нужны ли объясненья?
Тем, чье сердце хоть однажды
Опалил огонь любовный,
Мысль мою понять нетрудно.

«Ну... прощайте!..» — вот что только
Смог Наур с трудом промолвить,
На коня орлом взметнулся,
Плеткою взмахнул — и скрылся.

Вот он мчится по дороге.
Ни души кругом... И все же
Образ девушки-смуглянки
Так и реет перед взором.
Куст увидел близ дороги,
Осадил коня поспешно,
Соскочил, бежит — и страстно
Обнимает куст колючий.
«Жизнь моя!.. Отрада сердца!..» —
Жарко шепчет... Но опомнясь,
Озирается в смятенье,
Исцарапанный шипами,

Дальше юноша помчался,
Но тоска в груди не гаснет,
И смугланки стройный образ
Перед взорами джигита
То и дело проплывает...

А тем временем к колодцу
Сатай-хан опять подходит,
Вниз, на круг воды блестящей
Смотрит пристально — и видит
На ее стеклянной глади
Образ гостя-незнакомца.

* * *

Жил близ Терека в те годы
Князь Мырза, богач ногайский,
О красавице узнал он
И почуял жар бесовский,
Мысль коварная возникла:
Совершить насилие надо —
Деву дивную похитить,
Сатай-хан женою сделать.

Сел он на коня, помчался,
Ворвался во двор к Батыру
И увез, похитил деву,
Как овечку — грубый скотник.
Говорят не зря в народе:
«Сила речку вспять погонит!»

Стала Сатай-хан женою
Злого князя — Мырза-хана,
Но была с ним только телом,

А душой — с Науром смелым...
Ведь ничем не свяжешь сердце,
Кто и как бы ни старался!..
Как случилось — неизвестно,
Но встречаться стали вскоре
Сатай-хан с лихим Науром,—
Так два сердца, два влюбленных
Путь друг к другу отыскали.

Лжи и хитрости не знала
Сатай-хан,— заметно было
По лицу, глазам, походке,
Что в душе ее творилось.
И закралось подозренье
В сердце сумрачного князя —
Вызнать тайну роковую
Он решил любой ценой.
Всякий раз, когда, бывало,
Мырза-хан в поход сбирался,
На коне надменно сидя,
Ударял жену он плеткой:
«Отвечай-ка! В целом мире
Лучше есть меня мужчина?»

Так мучительно ей стало,
Что, когда, в поход сбираясь,
Князь опять, ударив плеткой,
Ей вопрос все тот же задал,
Сатай-хан сказала гордо:
«Есть за Тереком мужчина
Самый храбрый, благородный,
А зовут его Науром!»

Ясно стало Мырза-хану.
Чтò ее признанье значит,

К Тереку злодей помчался,
Чтоб найти, убить Наура.
Вот на холм Наур поднялся,
Через бурный Терек глянул
И увидел: из ущелья
Всадник едет незнакомый.

В тот же миг Наур почуял:
Гость пожаловал недобрый.
Страх в душе его проснулся,
Никогда не знавшей страха.
Овладела им тревога,
И подумалось джигиту:
Если это гость трусливый,
То сперва поищет броду,
Если ж храбрый, через речку
Сразу вплавь коня погонит.

Видит: вплавь могучий всадник
Пересек бурливый Терек,
Подскакал поближе, спрыгнул,
Гордо встал перед Науром.

Говорит Наур: «Ко мне ли
Ты приехал? Гостем будешь!»
Молвил гость: «Я в путь пустился,
Чтоб как раз тебя увидеть!»
Тут Наур в свой дом пришельца
Пригласил да пир устроил —
Угостили едой отменной,
Мясом лучшей кобылицы.
Как велит обычай древний,
Допоздна они сидели,
Пили, ели... Наконец-то

Мырза-хан джигиту молвит:
«Ты меня, Наур, послушай,
Возле Терека живем мы,
Но у каждого — свой берег:
Ты — на правом, я — на левом.
Правым ты, Наур, владеешь,
А на левом я хозяин,
Но поить коней гоняем
На один и тот же Терек.
Слышал я: и днем, и ночью
Терек бурный повторяет
Имя славного Наура.
Но и ты услышать можешь,
Как ветра степей ногайских
Вести обо мне разносят.
А теперь скажи: чего же
Нам с тобою в этой жизни
Не хватает, мой хозяин?
Что таить — мы разве дети? —
Виноват ты предо мною,
Ты жену мою позоришь,
Мой старинный род позоришь,
И теперь я так же должен
Поступить с твоей сестрою,
Чтоб с тобою расквитаться!..»

«Нет, ни в чем не виноват я,—
Так Наур ему ответил.—
Ты украл, похитил деву,
А она меня любила!
Что ж поделать, если верной
Мне жена твоя осталась —
До сих пор всем сердцем любит
Не тебя — меня, Наура?..»

Разговор сменился схваткой,
Яростной, смертельной битвой.
Был могучим князь ногайский,
Но уж силы на исходе.
Понял он, что сил не хватит —
К хитрости решил прибегнуть:
«Эй, Наур, взгляни-ка в небо —
Что за птица там летает?»
Вверх взглянул Наур,— и тут же
Враг предательским ударом
Перебил джигиту ноги —
Навзничь повалил Наура.
Встал на грудь ему проклятый,
Миг — и в сердце молодое
Вражеский клинок вонзился...
Тотчас юному джигиту
Голову срубил мерзавец
И, ее в мешок дорожный
Положив, домой поехал.

Сатай-хан сидит печально
В комнате своей... Внезапно
Мырза-хан с усмешкой входит —
Бросил голову джигита
Ей к ногам, а сам смеется:
«Ну, теперь-то в целом мире
Лучше есть меня мужчина?»

Как на голову джигита
Сатай-хан, дрожа, взглянула,
Так взяла ее — и страстно
Целовать и гладить стала,
Будто разума лишилась.

А потом ее схватила
И бежит, бежит к обрыву...
Крепко голову джигита
К плачущей груди прижала,
С криком кинулась с утеса,
В бурном Тереке исчезла...

С той поры вздыхают люди,
Вспомнив гибель двух влюбленных,
А утес, что громоздится
По-над Тереком гремучим,
Стали звать Сатай-горою.

1940

РАССКАЗ КРАСНОАРМЕЙЦА

1

Как-то ярый бой
Разгорелся вновь.
Рвался враг вперед,
Точно лютый волк.
Затряслась земля,
Запылала вся.
Небо сузилось,—
Показалось нам
Шапкой маленькой,
Стали к вечеру
Реже выстрелы.
Повернулся вспять
Враг напуганный.
Под кустом, в тиши,
В ногу раненный,
Я лежу один.
Вдруг — как будто стон.
Напрягаю слух
И ловлю слова
Осетинские:
«Никого здесь нет?»
Приподнялся я —
И с трудом дополз
До товарища.
«Кто ты, друг-боев?» —
Он простер ко мне
Руки с трепетом —
«Осетин ты? Да?»
«Осетин, дружок!»
«Будь же счастлив ты!»

Видишь, плохо мне,—
Глубоко вздохнул: —
Возвратясь домой,
К нам в Осетию,
Расскажи ты там
Всем родным моим,
Как фашистский гад
С черным именем
Волком мечется
Во все стороны.
Будь навек горька
Для него вода,
Будь навек горька
Для него еда.
Там, в селе родном —
Мать любимая...»
Он назвал село
Осетинское,
Имя матери
И фамилию.
«Там в конце села
Знаешь памятник?
Ты скажи Коста:
Свято выполнил
Я наказ его:
Чем врагу служить
Бессердечному
И кровавый пот
Отдавать ему,
Лучше жизнь отдать,
За свободу пасть».
Он замолк и взял
Меня за руку,
Раз вздохнул, другой —

И затих навек.
Да, не диво смерть
На войне, но смерть
Не любая нам
Однакова.
Злая вражья смерть
Сердце радует,
Ранил сердце смерть
Друга-воина.

2

Дни прошли, война
Подошла к концу,
И поставлен был
На колени враг.
Я с полей войны
Невредим пришел,
Но в душе своей
Сохранил бойца.
Светлой памяти
Пожелаем мы
Другу-воину.
О товарищи!
И еще прошу
Об одном я вас:
Навестим-ка все
Мать погибшего.
Горе матери
С ней разделим мы
И дадим ей все
Слово воинов:
«Коль в огне войны
За народ родной

Сын погиб в бою,
Не кручинься ты,
О нана, и знай,
Мы с тобой всегда,
В сыновья к тебе
Все мы просимся.
О тебе мы все
Позаботимся
До последнего
Вздыхания.

1945

СОДЕРЖАНИЕ

Ш. Джикаев. Поэзия борьбы и света 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

<i>Узник. Перевод Г. Ярославцева</i>	13
<i>День первой пахоты. Перевод П. Градова</i>	14
<i>Мое имя. Перевод П. Градова</i>	16
<i>Люблю Осетию. Перевод Г. Ярославцева</i>	17
<i>«Уйду я,— себе говорю иногда...» Перевод Г. Ярославцева</i>	18
<i>«Если и силу и смелость имел бы...» Перевод Г. Ярославцева</i>	19
<i>Думы Осетии. Перевод Л. Озерова</i>	19
<i>Сказал я в сердцах... Перевод П. Градова</i>	20
<i>Весна. Перевод П. Градова</i>	20
<i>«Черной скалы открывается склон...» Перевод Г. Ярославцева</i>	21
<i>Чиж. Перевод П. Градова</i>	21
<i>«Как сложится жизнь у меня?..» Перевод Д. Смирнова</i>	22
<i>«Чьей лире суждено звенеть...» Перевод Г. Ярославцева</i>	22
<i>Желание. Перевод Г. Ярославцева</i>	23
<i>Вперед! Перевод Э. Левонтина</i>	24
<i>К дада. Перевод Г. Ярославцева</i>	25
<i>Сон. Перевод А. Шпирта</i>	27
<i>Плачут горы. Перевод А. Шпирта</i>	28
<i>Сказка. Перевод П. Градова</i>	29
<i>«Как быть и что делать — подайте совет...» Перевод Д. Смирнова</i>	32
<i>Не бойся, ледник голубой!.. Перевод П. Градова</i>	32
<i>Луч солнца. Перевод А. Рудской</i>	33
<i>Я клянусь. Перевод Г. Ярославцева</i>	34
<i>«Сердце, обманчиво ты и коварно...» Перевод Г. Ярославцева</i>	35
<i>Завещание. Перевод Г. Ярославцева</i>	36
<i>«Испытанный посох мне дали...» Перевод Д. Смирнова</i>	36
<i>«Пусть я родные края оставил...» Перевод Г. Ярославцева</i>	37
<i>Соловей. Перевод П. Градова</i>	38
<i>Обращение к Коста. Перевод Д. Смирнова</i>	38
<i>К портрету Шопенгауэра. Перевод П. Градова</i>	39
<i>В горах. Перевод П. Градова</i>	40
<i>Иронвандаг. Перевод П. Градова</i>	40
<i>Ночь. Перевод Л. Озерова</i>	41
<i>Горе. Перевод Д. Смирнова</i>	42

Плач по умершему. Перевод П. Градова	43
Гора Тепле. Перевод Г. Ярославцева	44
«Что молвить? Как молвить?» Перевод Г. Ярославцева	45
Моей матери. Перевод П. Градова	46
Ласточка. Перевод И. Грушевской	47
Ущелье Эруг. Перевод Г. Ярославцева	48
Мой фаныр. Перевод Г. Ярославцева	48
Нашим «опекунам». Перевод П. Градова	50
«Каждый сразу же приступил...» Перевод А. Рудской	50
Живи!. Перевод Д. Смирнова	52
«На камне тихо я сидел...» Перевод П. Градова	53
«Ангельскою заботой...» Перевод Г. Ярославцева	54
«Коль эти горючие слезы...» Перевод П. Градова	54
Я петь не умею. Перевод Г. Ярославцева	55
«Серебряный месяц на небе играет...» Перевод Д. Смирнова	56
«Солнце, солнце златое...» Перевод А. Рудской	57
Он жил высоко. Перевод Г. Ярославцева	59
В молчанье гаснет день... Перевод М. Штокмаря	59
Черная мгла. Перевод Г. Ярославцева	60
«О жизнь, как ты сердце мое...» Перевод Г. Ярославцева	61
«Полно, хватит плакать...» Перевод А. Рудской	62
Пахарь. Перевод А. Рудской	63
Беден, ты беден! Перевод П. Градова	65
Смерть бедняка. Перевод Г. Ярославцева	66
Зима. Перевод Г. Ярославцева	67
Что тебе-то!. Перевод Д. Смирнова	67
Месяц всплыл на небосводе...» Перевод Г. Ярославцева	69
Темная ночь. Перевод П. Градова	69
Н. Перевод П. Градова	70
«Что на нихасе...» Перевод А. Гатова	71
Пастух. Перевод П. Градова	71
Камни. Перевод Г. Ярославцева	73
Рассвет. Перевод П. Градова	74
Не смежает сон мне очи... Перевод Н. Асанова	75
К солнцу. Перевод А. Рудской	78
«Восславив меня в эти годы...» Перевод Д. Смирнова	80
Люблю вас, горы! Перевод А. Рудской	81
Карадзау Мамион. Перевод П. Градова	82
Ударил гром. Перевод Б. Лейтина	83
Я не раб... Перевод Л. Озерова	84
«Я и сам боюсь...» Перевод П. Градова	87
«Душа моя мрачна...» Перевод А. Рудской	87

«Оставь меня в грусти, в печали...»	Перевод Г. Ярославцева	91
«Птица милая, куда...»	Перевод Г. Ярославцева	92
Ложе Прометея,	Перевод В. Тушновой	93
Прощание,	Перевод А. Гатова	94
Я не болюсь,	Перевод А. Рудской	96
Условия — залог всего!»	Перевод П. Градова	98
«Перо стальное...»	Перевод П. Градова	102
«День за днем уходит время...»	Перевод В. Тушновой	103
Я старым стал!..	Перевод П. Градова	105
Кончита Мало,	Перевод С. Шервинского	106
Крымская ночь,	Перевод И. Грушецкой	110
Пусть к небу несется.	Перевод Г. Ярославцева	111
От себя к себе.	Перевод П. Градова	112
«И все громче возле речки...»	Перевод А. Рудской	113
«Дни — один другого хуже...»	Перевод П. Градова	115
«Огонь, пожар в груди...»	Перевод Г. Ярославцева	116
«Проходит жизнь...»	Перевод Г. Ярославцева	118
Птица уже не рыдала, а пела.	Перевод А. Рудской	120
«Шло на запад жаркое светило...»	Перевод Г. Ярославцева	121
Осень.	Перевод С. Олендера	122
11 декабря 1939 года,	Перевод А. Рудской	123
«Если в грудь заползает тревога...»	Перевод Г. Ярославцева	125
«Сердце в груди моей...»	Перевод Г. Ярославцева	125
Соловей.	Перевод А. Рудской	126
Послание сестры.	Перевод А. Рудской	128
«Не радует солнце лучами...»	Перевод Д. Смирнова	129
Призы.	Перевод Ю. Хазанова	130
Это было недавно.	Перевод С. Шервинского	132
К. А.	Перевод Ю. Хазанова	133
«Жизнь делает свое...»	Перевод Ю. Хазанова	135
«А что накаркал ворон?..»	Перевод Ю. Хазанова	136
«Ты, с ничтожной душой...»	Перевод Ю. Хазанова	136

ПОЭМЫ И ЛЕГЕНДЫ

Мулдар.	Перевод М. Максимова	138
Гыцци.	Перевод Т. Спендиаровой	147
Сын Уахатага удалой Гуйман.	Перевод Н. Асанова	154
Пир у Баделят.	Перевод С. Шервинского	161
Сатай-хан.	Перевод А. Рудской	174
Рассказ красноармейца.	Перевод Р. Иванова	185

**Нигер
(Джанаев Иван Васильевич)
ДУМЫ ОСЕТИИ**

Редактор Е. Н. Имбовиц
Художественный редактор Е. Ф. Николаева
Технический редактор Р. Д. Каликштейн
Корректоры
Т. В. Новикова и Н. В. Бокша

ИБ № 1855

Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Тула-V». Сдано в наб. 01.08.80. Подп. в печать 17.09.80. Формат 70×108¹/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура академическая. Печать высокая. Усл. п. л. 8,4. Уч.-изд. л. 7,79. Тираж 25 000 экз. Заказ № 1310. Цена 80 к. Изд. инд. ЛНП-64.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевояна, 25.

